

ПОСЛЕДНИЙ ЦЕППЕЛИН

ЧУЖАЯ СИЛА

БОРИС
БАТЫРШИН

Последний цеппелин

Борис Батыршин

Чужая сила

«ИП Каланов»

2020

Батыршин Б. Б.

Чужая сила / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2020 — (Последний цеппелин)

Чужой Мир. Совсем чужой... и вместе с тем такой знакомый. Мир Летучих и Плавающих островов, мир паровых дирижаблей и остроухих нелюдей. В нем властвуют железо, пар и уголь, любопытство, страсть и... Третья, Чужая Сила. Она увлекает вверх воздушные корабли, выплёскивается огненным студнем из подвесных коконов ударных орнитоптеров, заставляет двигаться конечности штурмовых арахнидов и боевых экзоскелетов, просачивается в мозги операторов тактических планшетов и систем управления... Это – магия. Гардемарин Имперского воздухоплавательного корпуса, наследница аристократической династии, немногословный, слегка ироничный магистр, знаток Третьей Силы – героям этого повествования предстоит пройти множество испытаний, близко познакомиться с жестокой расой инри и иными аборигенами этого мира, далеко не всегда дружелюбными по отношению к людям. А так же – встретиться с гостями из другого мира, откуда когда-то пришли их собственные предки... Готовы ли они к этому?

© Батыршин Б. Б., 2020

© ИП Каланов, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	33
Глава VI	38
Глава VII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Батыршин
Чужая сила
Фантастический роман

© Борис Батыршин, 2020

Пролог

*Земля, Северное море.
...ноября 1917 г.*

«...около 1,45 прошли над берегом у Гарвича, где встретили разорванные облака. Многочисленные прожекторы безуспешно пытались нащупать наш корабль. С земли велся слабый обстрел, в воздухе не было никаких самолетов. Из-за одновременной остановки трёх моторов продолжать полет к Лондону стало невозможно, так как корабль начал терять высоту. Сбросили 2000 кг бомб над Гарвичем. Вскоре после атаки остановились все моторы. Корабль в течение 45 минут висел над территорией противника наподобие аэростата и снизился с высоты 5700 м до 3900 м. До 10.00 шли с одним мотором, а после 10.00 – иногда с двумя, а временами и с тремя моторами. Благополучно приземлились в Нордхольце. В 19.20 на обратном пути попали под очень сильный град. Молния ударила в переднюю часть корабля и пробежала поверху, не причинив вреда».

Капитан цеппелина L-32 Людвиг фон Зеггерс перевернул несколько страниц бортового журнала и поёжился. Холодно. В гондолах воздушных кораблей всегда холодно – не помогает громоздкая меховая одежда, пронзительные сквозняки пробирают до костей. Сейчас только сентябрь, но ветра над Северным морем ледяные. В пилотской гондоле слишком тесно, негде размяться, разогнать застывшую в жилах кровь. Обжигающий кофе из термосов, конечно, помогает, но не будешь же накачиваться им все долгие часы полета?

Фон Зеггерс вздохнул. А что остаётся? Убаюкивающее курлыканье «Майбахов», леденящий холод, тусклые нити накаливания в лампочках...

Так и тянет в сон.

Капитан открыл журнал на последней странице:

«...21 октября 1917 года... В 0.23. стартовали из Нордхольца. До точки randevу 21/5 шли 14 часов, всё в норме. В районе поиска попали в низкую облачность, снизились до 1200 метров. Контакт с британской эскадрой установлен в 15.17, потом потерян снова. В течение 3 часов контакт устанавливался 6 раз. 2 раза были обстреляны кораблями охранения, попаданий нет. В 18.21 снова попали в низкую облачность и потеряли контакт. Поднялись на 3400 метров. Началось обледенение обшивки, пришлось спуститься до 1500 м...»

Фон Зеггерс закрыл журнал и поставил его на полку, рядом с портретом кайзера Вильгельма 2-го. Какая запись появится в журнале после этого вылета? В прошлый раз они вернулись благополучно, бог хранил храбрецов. А сейчас?

Штурман, Франц Зелински, оторвался от прокладочного столика:

– Герр капитан! Прошли контрольную отметку. Семнадцать минут до встречи с эскадрой.

– Отлично, Франц. Моторы? – фон Зеггерс взглянул на старшего механика.

– Пока идём на трёх, герр капитан, но готовы дать полный ход. У кормового левого стук в опорном подшипнике, лучше его без надобности не перегружать.

– Хорошо, спасибо. – кивнул фон Зеггерс... сорокатрёхлетний ветеран воздухоплавания Ганс Фельтке начинал на заводе графа Цеппелина. Его суждениям капитан доверял, как катехизису.

– Присмотрите за кормовым левым, скоро придётся выжимать из движков всё, на что они способны. Что погода, Курт?

Радист поднял голову от ключа:

– Низкая облачность в районе базы. Ветер норд-норд-вест, три балла, порывистый.

– Ясно. Франц, тщательно фиксируйте расход горючего. На обратном пути придётся идти против сильного ветра.

– Я только что замерил уровень в баках. – отрапортовал Фельтке.

Он не доверял приборам и не ленился лишний раз открутить пробку и запустить в горловину железный прут. – Если дело так и дальше пойдет, то на подходах к Нордхольцу придётся добираться с доньшка.

Капитан недоверчиво покосился на стармеха. Фельтке – записной скопидом, и как всякий баварец, наверняка позаботился о запасе на чёрный день.

– Если мы зависнем без топлива, я тебе лично голову оторву. А если дотянем – с меня бутылка лучшего французского пойла. Иди английского, на твой выбор.

Фельтке возмущенно мотнул головой и полез вверх. Наверняка у старого лиса в заначке десяток-другой галлонов – и теперь он прикидывает, что потребовать с капитана.

– Дитрих, давление в третьем баллоне?

– В норме, герр капитан! – отрапортовал такелажмейстер, лейтенант Дитрих Штраузе. – Второй слегка травит, давление за последние два часа снизилось на полпроцента.

– Ничего, Дитрих, это не страшно, – капитан ободряюще улыбнулся юноше. – Второй у нас всегда травил, в прошлый раз вообще до нуля упало.

Новичок (это его первый боевой вылет) чрезвычайно гордится тем, что сумел войти в элиту. Воздухоплователи кайзера – соль земли, лучшие из лучших.

– Итак, господа, четверть часа до встречи с эскадрой. Ухо держим в остро, а то старик Джелли в последнее время здорово нервничает. Ганс, как только установим визуальный контакт, сразу начинайте передачу. Лимонники будут глушить, а у них рации намного мощнее.

Через двенадцать минут наблюдатель подал долгожданный сигнал. Фон Зеггерс поднял бинокль – из-за горизонта выглядывали «шашлыки», высокие, униженные боевыми и наблюдательными площадками, мачты британских линкоров. Капитан подобрался – где-то здесь, рядом с утюгами короля Георга, должны быть и эсминцы охранения.

Часть первая Пассажиры «Династии»

Глава I

Теллус. Пассажирский лайнер «Династия» палуба II-го класса

Койка равномерно покачивалась. Негромкое гудение ходовых перепонки навевали сладкий утренний сон, сквозь который назойливо прорывалось верещание боцманских дудок. «Все наверх!» – шестой пост ходовой вахты, возле опорного шарнира третьей пары ходовых перепонки правого борта. Алекс вскинулся, привычно нащупывая веревочные петли над гамаком, чтобы, подтянувшись, выбросить тело наружу. Но вместо шершавого торса, пальцы скользнули по полированной латуни поручня, и сразу прояснилось – нет никакого гамака, а опорный шарнир третьей пары ходовой перепонки остался на учебном фрегате Кадетского Воздухоплавательного Корпуса «Аметист». Хотя, на лайнере есть свой третий шарнир, который тоже снится кому-то из команды...

Как устойчивы корпусные привычки! Всего-то полгода назад гардемарин Алекс Веденски поднялся на первый в своей жизни боевой – ну ладно, учебный, но ведь когда-то и он был боевым! – корабль, для прохождения полётной практики. И вот – будто он уже много лет просыпается по боцманской дудке и, не успев продрать глаза, соображает, куда бежать: по таковой тревоге, пожарной, боевой...

Вибрация ходовых перепонки отчётливо ощущается в каюте. Вон они, за иллюминатором: двухэтажная полупрозрачная этажерка невидимо глазу дрожит, прогоняя сжатый воздух между полотнищами, что, как известно, и создаёт тягу. К сожалению, перепонки заодно и перекрывают вид из иллюминатора, так что полюбоваться панорамой Туманной Гавани не получится. Ничего, можно выйти на прогулочную галерею – тем более, что иные пассажирки юны возрастом и до чрезвычайности милостивы...

Утреннее солнце заливает каюту, игриво расцветившая зелёный бархат и тёмное дерево – компания «Западные Пассажирские Воздушные Линии» не экономит на интерьере. Отпуск! Целая неделя свободы!

Алекс помотал головой, стряхивая дремоту, и сел на койке. Скоро восемь утра – давненько ему не случалось просыпаться так поздно! Виноват, конечно, вчерашний загул в столичном «Золотом облаке», устроенный товарищами по Корпусу по поводу окончания первого в их флотской карьере «всамделишного» похода.

– Доброе утро, гардемарин! Как спалось?

Сосед по каюте уже успел завершить свой утренний туалет. Он на несколько лет старше Алекса – сидит на койке, слегка откинувшись, что не скрывает немаленького роста. Сутулился – обычное дело для вчерашних студюзусов. Лацканы сюртука украшены золотыми «песочными часами» Имперского Технологического Училища, в просторечии – «технологички».

– Спасибо, герр... мессир. Давненько не случалось так хорошо выспаться. Мы ведь скоро пребываем, верно? Уже был колокол к завтраку?

Магистр извлек из жилетного кармана серебряные часы, щёлкнул крышкой. Механизм отозвался мелодичной фразой на инрийском. «Конечно, – вспомнил Алекс, – в «технологичке» это последний писк...

– Семь сорок шесть. Прибытие через час пятнадцать, завтрак подадут через десять минут. Кстати, здешняя кухня выше всяких похвал.

Алекс мысленно скривился от конфуза – он совершенно не помнил имени учтивого магистра. Вчера, после посадки на лайнер, они обменялись парой любезностей... смутно припоминается, что попутчик упоминал, что назначен после выпуска из «технологички» в коммерческие доки Туманной Гавани. Или у гражданских не бывает назначений? И всё же – как он представился? Лемберг? Шомберг? Пауль Фемберг, кажется? Фу, как неудобно, никак не вспомнить! Ещё сочтёт невежей...

Но незнакомец сам пришел на помощь терпящему бедствие попутчику:

– Кажется, вчера я забыл представиться. Пауль Орест Фламберг, магистр, аспирант Имперского Технологического. Меня семь лет учили строить такие вот. – он похлопал рукой по койке, – летающие игрушки. Вот, прошу.

С этими словами попутчик протянул гардемарину визитную карточку, отпечатанную на дорогом тисненном пергаменте. Кромка карточки неровная, будто обгорела – магистры обожают такие штучки.

«...верно, Пауль, хоть это вспомнил. И фамилия похожа!..»

– Гардемарин Его величества кайзера Воздухоплавательного Корпуса Алексис Веденски, мессир! – на одном дыхании выпалил юноша и с трудом удержался, чтобы не вскочить и не щёлкнуть каблуками.

Верно говорил корпусной обер-наставник, лейтенант Шнайдер: «не знаешь, что делать – действуй по уставу». Хорош бы он был, навтыяжку, в кальсонах и босиком...

– Рад знакомству, герр гардемарин. Приятно встретить... в определенном смысле коллегу. Вы ведь выпускаетесь по классу воздушных кораблей? – и кивнул на висящий мундир.

На рукаве кителя нашивка: сигара дирижабля на фоне имперского орла. И четыре витых шеврона – по числу курсов.

– Верно, мессир Фламберг. Только мне предстоит на них летать, а вы строите. А до выпуска мне ещё один курс. Вы, кажется, упоминали, что собираетесь работать на верфях «Западных линий»?

– Разве? Видимо, это по растерянности, герр гардемарин. Меня ждёт место в службе наземного надзора. Они вводят новую процедуру контроля состояния мета-газа, а это как раз тема моего диплома.

И магистр принялся подробно описывать свои будущие обязанности.

Алекс незаметно перевёл дух. Кажется, попутчик не уловил заминки. Или уловил? Магистр говорил учтиво и совершенно серьёзно, но в уголках глаз притаилось нечто такое...

Как и большинство людей, обделённых соответствующими способностями, кадет относился к магистрам с опасливым недоверием. Но – способности способностями, а попутчик остаётся лицом сугубо гражданским. И честь мундира требует в любой обстановке, вести себя со шпаками элегантно, непринуждённо, с лёгким оттенком высокомерия – как и подобает блестящему офицеру-воздухоплателю.

Так-то оно так, только демонстрировать непринуждённость и высокомерие и уж тем более элегантность, в одном белье, пусть и самом лучшем, батистовом, затруднительно.

Извинившись перед соседом, Алекс наскоро оделся – тот деликатно отвернулся, изобразив, что крайне заинтересован видом из иллюминатора – и потянулся к рычажку звонка. Следовало вызвать стюарда и потребовать бриться. Не то что это было совсем уж необходимо – усы и щетина у гардемарина Веденски возмутительно не желали расти, – но бритве входило в обязательный утренний ритуал офицера-воздухоплателя, и тут уж приходилось выкручиваться.

Расстегивая дорожный несессер (сафьяновая кожа, серебряные уголки, двенадцать марок в лучшей столичной галантерейной лавке!) юноша мельком бросил взгляд в иллюминатор. Не пристало будущему воздушному волку, тарашиться на проплывающий внизу пейзаж, подобно простаку, впервые вступившим на палубу воздушного корабля. А посмотреть тянуло – по правому борту «Династии» раскинулась во всем великолепии Туманная Гавань, второй по вели-

чине город Империи, база её гордости и опоры, Второго Воздушного флота. Сколько раз Алекс в мечтах видел себя на мостике флагманского корабля, ведущим эскадру над этим чудесным городом! Перепонка вот только мешает...

Хорошо различимая с высоты, Туманная Гавань имела замысловатую планировку, мало напоминающую остальные города Империи. Старый Город раскинулся на узкой полоске сравнительно ровной земли между гаванью, Новым Городом и невысокой горной грядой; между Старым и Новым городом змеились зигзаги Овражных трущоб. Цепочка холмов надёжно прикрывала столицу Побережья от облачных дождевых масс со стороны восточных лесов. Удобная роза ветров, просторная, ровная площадка – что ещё нужно для крупнейшего в Империи воздушного порта?

Новый Город уже был хорошо виден: «Династия» заканчивал разворот, и теперь внизу раскинулись строгие геометрически правильные линии бульваров и улиц. Сама планировка казалось, давала понять, о том, что город предназначен для людей строгих, математически точных профессий: инженеров, воздухоплателей и техников, обслуживающих воздушные суда на земле. Обитали здесь и имперские чиновники, и крупные коммерсанты, а так же многочисленная университетская профессура.

От полётного поля воздушного порта жилые кварталы отделяла полоса промышленных предприятий – мастерских по сборке флапперов, химических и механических заводов. На самом краю Оврагов, нависали над убогими улочками серебристые газгольдеры мета-газовых заводов. За ними виднелись пакгаузы коммерческого порта, а восточнее, верстах в трёх, поблёскивали гофрированной жёстью ангары, катапульты и причальные мачты порта военного.

Раньше из Нового Города в Старый можно было попасть только по дорогам, петляющим через трущобные кварталы; но теперь через Овраги перекинута длинная решётчатая эстакада. По ней, кроме дампфвагенов и конных экипажей, забегали локомотивы айбана – один из них как раз весело попыхивал трубой, волоча по единственному рельсу пять весело раскрашенных вагончиков.

Прилегающие к Новому городу возвышенности превратились теперь в Холмы. Там селятся сливки городского общества, его краса и гордость – офицеры морского и воздушного флота. Здесь живут те, кто желает наслаждаться свежим бризом, изысканным обществом, верховыми прогулками и великолепными видами на океан и раскинувшиеся к востоку равнины.

– Вы уже просмотрели утренние новости?

Пока Алекс предавался размышлениям, попутчик устроился на своём диванчике и теперь шуршал утренней газетой. Её печатали здесь же, на борту – одно из удобств, предоставляемых «Западными линиями» своим пассажирам.

– Пишут – на верфях Туманной Гавани неспокойно.

– Трудовики мутят фабричных? Не понимаю, куда смотрят власти! Зимой вот тоже случились беспорядки на чугулке. Казалось бы – довольно полуэскадрона драгун, чтобы пресечь этот декаданс. Так нет же – две недели спорили, уговаривали, пока в городе не пропали с прилавков мука и масло!

Политика не относилась к числу тем, поощряемых в Воздухоплательном Корпусе. Тем не менее, известия, о забастовках и митингах, которые устраивала Партия Труда, доносились и до будущих воздухоплателей. Что уж говорить о «технологичке», слывшей рассадником самого радикального либерализма!

Впрочем, не похоже, чтобы вчерашний студент, а ныне сотрудник Службы наземного контроля воздушных сообщений Дмитрий Фламберг, относился к сторонникам либеральной политики. Во всяком случае, он отложил газету и принялся внимательно слушать Алекса, слегка улыбаясь, когда гардемарин горячился.

– ... вот я и говорю – эскадрон императорских драгун разогнал бы всю эту шваль ножами палашей! Что за мода, в самом деле – бунтовать, когда страна на пороге войны!

– Но ведь тут пишут, что в беспорядках замешаны не только фабричные, но и студенты Университета – заметил магистр. – А это, согласитесь, совсем другой коленкор. С образованными людьми надо обращаться культурно и почтительно, даже если власти и не разделяют их убеждений. Вы не находите?

Алекс пожал плечами. Университетские вообще странный народ – с их преклонением перед инри, стремлением применять Третью Силу во всех без исключения, областях жизни. Спору нет, без неё сейчас никуда, но... должны же быть какие-то границы! Одно дело – работать на благо Империи, и совсем другое – сутки напролёт просиживать с пульсирующей нащёпкой на голове и пялиться в образы, возникающие в псевдо-живой плёнке. Говорят, те, кто по-настоящему глубоко погрузился в ТриЭс, видит там не просто расплывающиеся цветные кляксы, а отчётливые картинки, как на плёнках штабных тактических планшетов. Только вот что это за картинки... Алекс особо не рвался проверять. Хотя – понимал, что рано или поздно придётся переступить этот порог: сейчас во Флоте без ТриЭс никуда.

– Ходят слухи, что беспорядки и начались в Имперском Университете. Вот в Туманную Гавань дотянулись... Власти давно грозились перетрясти университетские кампусы, да так и не решились. А, по-моему – зря!

Магистр пожал плечами. На лице его обозначилась скептическая усмешка. Алекс насто-рожился. Имперский воздухоплавательный корпус известен консерватизмом не только в политике, но в отношении к повсеместному использованию ТриЭс. Что, само по себе, довольно странно – ведь только благодаря ей летают дирижабли и аппараты тяжелее воздуха, «флапперы». Студенты не устают напоминать об этом будущим воздухоплателям, что неизменно приводит к ссорам и дракам в питейных заведениях. А порой и к дуэлям; за год их случается не менее десятка, причём в пользу кадетов заканчивается не более половины поединков. У студиозусов искусство фехтования в большом почёте...

Алекс полностью разделял убеждения однокашников. Третье Взаимодействие, Третья Сила, в просторечии ТриЭс – это не игрушка для юных дарований, балующихся либеральными идеями. Хочешь приносить пользу Империи – трудись, а нет – извините!

А тут ещё болтуны в Рейхстаге обсуждают закон о свободном доступе к ТриЭс для обывателей! Вздор и форменное вредительство! Алекс так и заявил, закончив изучать колонку политических новостей.

Собеседник поморщился. Ну конечно, студенты и выпускники «технологички» без инрийских штучек шагу ступить не могут. Основной рабочий инструмент – вон, и у этого на лбу наполовину скрытая волосами лиловая полоска, след от контактного слизня.

Алекса невольно передёрнуло. Чтобы вот так, добровольно, пришлёпнуть себе на голову эту липкую гадость?

В дверь деликатно постучали, и гардемарин запнулся на полуслове. На пороге возник стюард.

Доброжелательная улыбка, (никакой лакейской угодливости, персонал «Западных линий» – это вам не прислуга из заштатной пивной!) наготове нагретые полотенца и серебряный тазик, полный белоснежной пены, благоухающей хвоей.

Приводя себя в порядок в крошечной кабинке уборной, Алекс ещё раз повторил про себя: «Малая Сиреневая улица, дом 34». По этому адресу снимал квартиру его брат, оберлейтенант цур зее, служивший на парусно-паровом клипере «Принцесс». Узнав о выпавшем Алексу отпуске, он пригласил его погостить несколько дней. Благо, и повод имелся – «Принцесс» скоро должна была отправиться в экспедицию на север, для изучения покрытых льдом приполярных областей. Так что братьям предстояла разлука минимум, на год.

Алексу ранее не приходилось бывать в Туманной Гавани, он знал город только по рассказам. И сейчас, соскабливая со щек существующую только в его воображении щетину, Алекс прикидывал, как половчее добраться до Малой Сиреновой. Надо будет взять извозчика... то есть лучше, конечно, дамфваген, но тут имелось затруднение. Финансы его находились в угрожающем состоянии, так что придётся, как это ни грустно, обойтись извозчиком. Братец, конечно, и без напоминания подкинет монет, он всегда так делает – перед отъездом младшего брата в Корпус. Просить же денег сразу по приезде, Алексу ужасно не хотелось. Оставшиеся в кармане семнадцать марок предстояло растянуть на два дня, а кэб от причального поля «Западных Линий» стоит пятнадцать пфеннигов, дамфваген же – не меньше марки.

Звук, издаваемый ходовые перепонками изменился. Шмелиное гудение на бакборте стало гуще, а жужжание вибрирующих перепонки штирборта сменилось мягким «*ффурх* – *ффурх*» – огромные полотнища перестали вибрировать и перешли в маховый режим. Алекс, выглянув в иллюминатор, увидел, как растопыренные перепонки принялись одновременно загребать воздух, подобно лапам гигантской морской черепахи. Ему доводилось видеть таких в детстве, когда с матерью и сёстрами отдыхал на Плавучих островах. Тогда с Конфедерацией инри был мир – и боже, как прекрасны были вечера, под величественными звёздными россыпями Южного Океана...

Время от времени суставы перепонки выбрасывали белые струйки, сразу расплывавшиеся прозрачными облачками. В размеренное шуршание врвался тонкий свист – механики продували истощённые псевдомышцы перепонки горячим паром, подстегивали новыми порциями питательного раствора. Пар подаётся по коленчатым медным магистралям, из кормовой гондолы – за ней тянется по воздуху быстро тающий шлейф угольного дыма. Алекс представил, как в машинном отделении, полуголые, обливающиеся потом кочегары кидают в топку горючие брикеты, поддерживая давление в котлах. «Западные линии» заботились о комфорте – дымовые трубы отогнуты влево-вниз, чтобы не тревожить пассажиров первого класса угольной сажей. Но всё равно, запах неистребим, в точности, как на железнодорожном вокзале.

Пар, псевдомускулы и мета-газ – основа мощи современной цивилизации, её опора. А вот инри предпочитают технике свои полуживые устройства. Воздухоплавание в огромной степени основано на их достижениях. Инри вообще наловчились в работе с Третьей Силой – хотя, имперские магистры постепенно догоняют инрийских чародеев...

Инри и пороха не признают, их оружие действует на иных принципах. Метатели живой ртути, огнестудень, «грозовые трубы»... оружие грозное, но всё же, уступающее старому доброму огнестрелу!

«Династия» описала над городом широкую дугу со снижением. «Ага, – подумал Алекс, вовремя вспомнивший, что он, собственно, без пяти минут воздухоплаватель, – сбрасываем высоту за счёт тяги. Штирбортные перепонки, работая на «самой малой» не дают громадине воздушного корабля опасно накрениться. Стравливать мета-газ в атмосферу накладно, да и лишний раз накачивать его гальваническими разрядами не стоит – субстанция, наполняющая баллоны, от этого быстрее «вырождается». На коммерческих, особенно пассажирских, кораблях избегают маневрировать плавучестью, и, в отличие от военных, используют для неспешной смены высоты ходовые перепонки. Но «Династия» снижается, пожалуй, слишком круто для лайнера...»

– Что-то случилось, господин гардемарин? – раздался из-за двери уборной голос попутчика. – По-моему, звук изменился. Да и крен, не находите?...

Алекс нахмурился. Вот и пойми, всерьёз спрашивает попутчик, или же утончённо издается, предлагая желторотому спутнику пуститься в глубокомысленные рассуждения, чтобы, когда тот разойдётся, поставить сопляка на место вежливо-ядовитым замечанием? Магистры, особенно технологи, славились подобными выходками – кто поверит, что человек, заканчивающий Воздухоплавательное Училище, не разбирается в основах воздушного маневрирова-

ния? Уловил ведь он крохотное изменение нагрузки на ступни, ясный признак крена? Обычная наземная крыса этого не заметит, пока кружки со столиков не попадают.

Стакан с помазком медленно пополз к краю полки. В каюте что-то шумно повалилось – похоже, попутчик всё-таки не удержался на ногах. «Ага, – злорадно подумал Алекс, – будешь знать, как умничать!». И тут же сообразил, что беседа состоялась исключительно в его воспалённом воображении. Гардемарин выскочил из туалетной комнаты, спешно вытирая полотенцем остатки пены: Фламберг нелепо повис, ухватившись за обшитую бархатом петлю из каната, закреплённую на стене, возле входной двери. «Династия» резко валилась на борт, но гардемарин устоял, и, не медля, кинулся к висящему над койкой кителю. Странно: большие пассажирские корабли обычно избегают таких резких манёвров, да ещё и над большим городом...

Гадать пришлось недолго. По палубам прокатился гул колоколов громкого боя – тревога, тревога, тревога! Алекс, не попадая на бегу в рукава, выскочил из каюты и кинулся к панорамному окну на прогулочной палубе. Открывшееся зрелище более всего напоминало записи военной хроники: на фоне ярко-голубого неба, прямо в борт беззащитной махине лайнера четко, как на учениях, заходил клин ударных насекомых.

Глава II

Теллус. Туманная гавань

В штаб-квартире Второго Воздушного Флота некому оказалось поднять тревогу – даже если бы кто-нибудь и заподозрил неладное. Лето, жара, воскресный день, все кто мог, и кому позволяло это служебное положение, либо наслаждаются свежим бризом дома, в Холмах, либо отправились за город, к морю. Над Холмами и над Старым Городом то тут, то там, вперемешку с радужными пузырями прогулочных воздушных шаров, парят разноцветные лепестки лёгких одноместных воздушных змеев и гоночных флапперов – богатые обитатели Туманной гавани буквально помешаны на воздушных видах спорта, а команда Второго Флота уже пять лет подряд не расставалась с кубком Кайзера.

Немногочисленные дежурные офицеры штаба Второго Воздушного Флота уныло отбывали свои номера. Скучали на рабочих местах операторы плёночных планшетов, да торчали возле раструбов пневмопочты полусонные связисты. Начальник штаба посвятил день подготовке плановых общевфлотских соревнований по воздушной акробатике, шеф службы разведки Второго флота ещё вчера отбыл в столицу. С его отъездом штаб-квартира окончательно превратилась в сонное царство.

Теллус. Загорье, к востоку от Туманной Гавани

В семидесяти милях от Побережья Армада, самое мощное ударное соединение Конфедерации Инри, разворачивалась в боевые порядки прикрывшись невысоким горным хребтом от редких воздушных патрулей имперцев. Восточное направление, со стороны Загорья, давало серьёзное преимущество в плане скрытности, а именно этого инри сейчас и добивались – почти все коммерческие или почтовые линии проходили севернее, небо за хребтом обычно пустовало.

В предрассветных сумерках «облачники» на максимальной высоте пересекли береговую черту. Три часа они шли на восток, вглубь континента; потом повернули к северу, и лишь над безлюдными дождевыми лесами Загорья, начали снижаться. К пункту сбора корабли следовали поодиночке, чтобы не встревожить случайного наблюдателя видом стройной колонны чужих кораблей, неизвестно откуда появившихся в мирном небе Империи. Конечно, вероятность того, что в этих чащобах именно сейчас окажется кто-то, имеющий под рукой телеграфный аппарат или хотя бы переносной гелиограф крайне мала, но... армад-лидер не собирался рисковать даже в малой степени.

Все восемнадцать махин вовремя вышли к точке randevu, и теперь висели на высоте тысячи девятисот футов ровной линией, фронтом на запад, с интервалами в четверть мили. Легкий встречный ветер заставлял воздушных гигантов лениво трепетать перепонками, удерживая место в строю. На главном полётном мостике «гнездовья» «Высокий Замок» кипела работа: обслуга суетилась вокруг ударных «стрекоз» и «виверн». Палубные рабы крепили гроздь «капель» с огнестуднем, заполняли ёмкости метателей живой ртутью, прилаживали связки «грозовых труб». Надсмотрщики, суетились, ругались, подгоняя особо нерадивых тычками и жалящими укусами жезлов из кислотной лозы. Наездники-инри, держались, как всегда, особняком, тщательно следя, чтобы ни один из пробегавших мимо рабов, не коснулся даже краешка их одеяний. Те и сами почтительно огибали нелюдей, выдерживая положенную дистанцию в три фута.

Раб с нарукавной повязкой старшего прислужника, отскочил от крайней «виверны», и вскинул полосатый, бело-чёрный флажок. От группы пилотов отделился наездник – и, хотя фигуру его скрывал длинный плащ, особенности походки не оставляли сомнений, что это женщина. Красно-серебряный узор, струящийся по краю накидки, указывал на принадлежность к

клану «Следа Гранатовой Змеи» – одному из самых влиятельных кланов Конфедерации Инри. Подавший сигнал раб по очереди подёргал подвешенное под «виверной» вооружение – две полупрозрачные «капли» с огнестуднем, две тройные связки «грозовых труб», трубку метателя «живой ртути» в носовом наплыве. «Танцующий скорпион» – классическая конфигурация вооружения для удара по крупной воздушной цели. Занявшая место в глубоком седле наездница прикрикнула на излишне бдительного прислужника. Тот в ответ испуганно закивал и попятился на положенное место – возле рычага сброса. Инри пришлѣпнула на лоб лепѣшку контактного слизня, и замерла с широко открытыми глазами. «Виверна» вздрогнула, отзываясь на контакт.

Один за другим, палубные рабы вскидывали флажки, сигнализируя о готовности. Наездники заняли места – пятнадцать «стрекоз» и девять «виверн» с полной боевой подвеской. Ещё шесть «стрекоз» резерва со сложенными крыльями ждали своей очереди, вздрагивая кольчатыми сегментами корпусов. Как только стартует первая волна, палубные рабы поспешно подцепят резервные инсекты, чтобы те были готовы в любое мгновение сняться на перехват имперских флапперов – если, конечно, они успеют взлететь...

Все шесть «гнездовий» закончили подготовку к выпуску инсектов, и теперь мигали сигнальными зеркалами, отсылая рапортуя о готовности.

Флагман, «Белое Пламя», отвечал острыми вспышками. Армад-лидер не собирался рисковать тщательно разработанным планом – все разговоры между воздушными кораблями велись с помощью этих примитивных механических аппаратов, раздражающе-неудобных в обращении. Предстоящая операция решала судьбу большой войны, на которую, после стольких лет мира, наконец-то решилась Конфедерация Инри.

Реагируя на сигналы флагмана, «облачники» Армады один за другом поворачивали на север, минуя покрытые лесом вершины Опалового Хребта. Там – Туманная Гавань, столица Побережья, пункт базирования самого мощного воздухоплавательного соединения Империи – Второго Воздушного Флота. В Туманной гавани стояли так же три рундшлахтшифта – круглых, плоскодонных броненосца прибрежной обороны, а кроме того – отряд винтовых клиперов под командованием кронпринца Адальберта. Но не они интересовали сейчас армад-лидера, выводящего свои «облачники» на цель. Морской порт Туманной Гавани, по правде говоря, стратегического значения не имел – его рейд, мелководный, открытый океанским ветрам, не позволял принимать по-настоящему крупные боевые корабли вроде линейных панцеркройцеров. Отряд же клиперов играл роль то блестящей игрушки наследника, то учебной парты для отпрысков имперской аристократии. Мысли армад-лидера занимали сейчас эллинги Второго Флота, ангары и катапульты флапперов, а так же причальные мачты и газгольдеры с мета-газом, усеивавшие просторное – пять миль от края до края! – поле самого крупного воздушного порта Побережья. Так же в списке первоочередных целей значились химзавод на южной окраине Туманной Гавани и сборочные мастерские крупнейшего производителя аппаратов тяжелее воздуха «Глюк и братья». В перечне вторичных целей значились коммерческие воздухоплавательные доки, здание гражданского воздушного порта и сухой док порта морского. Нашлось место и для отряда клиперов наследника – скорее, для порядка. В грядущей войне эти дорогостоящие игрушки погоды не сделают.

Над Опаловым хребтом летучие махины крались, не соблюдая строя, зато строго выдерживая предписанную высоту. Через гребень «облачники» перевалили, прижимаясь к каменистым россыпям и верхушкам деревьев – маневр опаснейший и, несомненно, попортивший нервы навигаторам. От их умения угадать направления воздушных потоков зависела сейчас безопасность всей Армады. Но навигаторы не зря ели свой хлеб – перевалив через хребет, «облачники» восстановили строй и двинулись к цели.

Томительно тянулись минуты; каждый, от армад-лидера, до последнего трюмного раба, замер в тревожном ожидании. В любую минуту на фоне голубого неба могли мелькнуть ходо-

вые перепонки флаппера или капля патрульного корвета. И тогда, прощай внезапность – истерзанные оболочки «облачников» Армады украсят подступы к вражескому городу.

Но время шло, а *человеки* так и не появились. Флагманский навигатор подал знак. Гондолу «Белого Пламени» огласил тревожный свист – до цели оставалось немногим более тридцати миль. Армад-лидер, до сего момента безучастно стоявший у прозрачной бортовой мембраны, шагнул на середину салона. Армад-паладины выстроились у левого борта гондолы. Все понимали – вот он, момент истины! То, ради чего строились планы, готовились боевые корабли; момент, который определит судьбу и враждебной Империи и самой Конфедерации Инри, как и судьбу каждого из присутствующих.

Все слова были сказаны заранее. Армад-лидер кивнул на подвешенную к потолку прозрачную плёнку «живой» карты, и сухо откашлялся.

– «Гнездовьям» набирать высоту. Приготовиться к сбросу насекомых.

Слитно ударили боевые гонги, палубы огласились дробным топотом босых ног – рабам-служителям обуви не полагалось. «Гнездовья» пошли вверх – несущие баллоны озарились изнутри фиолетовыми сполохами разрядов, питаемых «громовыми слизнями». Малые «облачники» охранения разворачивались широкой дугой ниже, на полутора тысячах. Когда всплывающие махины набрали положенные три тысячи футов, на полётных мостиках снова загудели гонги – сброс! Десятки рук одновременно надавили на рычаги; освободившиеся от клещей-захватов насекомые клюнули носом, срываясь в крутое пике. Набрав скорость, пилоты подали нагрузку на маршевые перепонки. Вспомогательные, маневровые, приподнялись под углом в сорок пять градусов, скрывая скорчившиеся между ними в сёдлах фигурки наездников. Небесный простор огласился густым, тяжёлым гулом – «стрекозы» и «виверны» выстраивались клиньями по три, образуя многоуровневую этажерку. Выровняв строй, ударные тройки обогнали неторопливо плывущие «облачники», и пошли к раскинувшемуся за горизонтом городу.

Теллус. Туманная Гавань

Город горел. Пытали залитые огнестуднем кварталы. Пламя с треском пожирало крыши портовых пакгаузов, выстроенных из синеватого, лучшего качества, кирпича. Рушились в снопах искр деревянные причальные мачты и ангары; и только Главная Мачта, склёпанная из металлических ферм, словно не обращала внимания на огонь, обрушившийся на город с небес.

Вдобавок к прочим бедам, лопнули газгольдеры, и мета-газ, который в спокойном состоянии заметно тяжелее воздуха, потёк с возвышенной, промышленной части города вниз, в Овражные трущобы. Мета-газ не ядовит и начисто лишён запаха – будь это иначе, команды дирижаблей не расставались бы с защитными масками. Но, обладая высокой плотностью, эта субстанция скапливалась в низменностях, по самые крыши заливая улочки, застроенные хибарами бедняков.

При этом мета-газ, разумеется, вытеснил воздух, и люди задыхались, не в силах понять – отчего судорожные вдохи ничего не приносят, кроме раздражающей боли в лёгких?

Сбросив «огненные капли» на заранее намеченные цели, ударные звенья ещё раз прошли над улицами. Метатели «живой ртути» бездействовали, тратить боезапас на беспорядочно мечущихся внизу обывателей – верх глупости. Зато штурмовики-«стрекозы», несущие «грозовые трубы», отыгрались по полной.

Это оружие подвешивается под насекомыми связками по три штуки. В каждой ждёт своего часа россыпь круглых свинцовых пуль. При срабатывании вышибного заряда концентрированного мета-газа, «грозовая труба» выбрасывает начинку, которая не теряет убойной силы на дистанции примерно пятисот футов, гарантированно превращая в решето любой не защищённый бронёй объект, попавший в зону поражения.

Наездники привыкли выстреливать «грозовые трубы» по одной, слитным залпом всего звена – три «трубы» в одном залпе. Обычно имперские флапперы действуют сомкнутыми, плотными клиньями, и залповая стрельба по таким боевым порядкам нередко приносила успех. Но особенно хороши «грозовики» против имперских воздушных кораблей: снопы картечи дырявят воздушные корабли насквозь, в оба борта, заставляя их быстро терять мета-газ.

По наземным целям, в особенности, по живой силе, это оружие тоже действует с убийственной эффективностью. Вот и сейчас – свинцовые метлы безжалостно прошлись по улицам Нижнего Города, оставляя изорванные смертоносными шариками трупы, изрешеченные стены домов, кровь, смерть...

Отработав по назначенным целям, ударные звенья набрали высоту и стали выстраиваться в ордер отхода. Приказ выполнен, и никто из наездников ещё не знал, что возвращаться им уже некуда.

Теллус. Загорье, к востоку от Туманной Гавани

– Развернуться строем фронта! Второй эшелон – всплыть на тысячу футов, вторую волну к сбросу!

Ловушка была выстроена умело – и захлопнулась, стоило наглой, самоуверенной мыши сунуть в неё свою любопытную мордочку. Наживка была, что и говорить, вкусной: мета-газовые заводы, ангары, великокняжеские клипера. Мирным улицам и портовым сооружениям Туманной Гавани предстояло корчиться в огне, а уж людские потери...

Но даже этот кошмар – не такая уж высокая цена за шанс поймать драгоценные «гнездовья» инри со «спущенными штанами» – как любят говорить жители Плавучих островов, потомки бесцеремонных янки. Сбросив атакующие волны «виверн» и «стрекоз» в оснащении для удара по наземным целям и морским целям, инри до предела ослабили воздушное прикрытие Армады. Несколько «стрекоз», болтающиеся вокруг ордера «облачников» – вот и всё, с чем предстоит столкнуться пилотам первой ударной волны. «Осы» порвут такое прикрытие на тряпки, и никакой эскорт не поможет – не сумеет вовремя набрать высоту, ведь ордер охранения выстроен ниже, там, где можно ждать атаки флапперов, стартовавших с наземных катапульт. Экипажам «гнездовий» и в страшном сне не могло привидеться, что они попадут под атаку машин, стартовавших с идущих на большой высоте носителей. Может, первая волна и не доберётся до самих «облачников», зато отвлечёт на себя огонь защитных батарей. И тогда придёт черёд второй ударной волны.

Сначала на цель выйдут «осы» с зажигательными ракетами. Метагаз в баллонах не горюч, зато оболочка воздушных кораблей – лакомая пища для огня. Потом подтянутся тяжёлые «кальмары». Их задача – зайти вдоль огромных сигар воздушных кораблей, и засыпать по всей длине мелкими бомбочками. Каждый из снарядов снабжён четырьмя парами загнутых крючков; ударяясь об оболочку, они цепляются за ткань, а там срабатывают взрыватели.

К сожалению, большинство опасных «гостинцев», попадают в воздушные корабли по касательной и, отскакивая от упругой оболочки, пропадают зря. Нужен удачный заход по меньшей мере двух звеньев, чтобы «облачник» ощутимо потерял плавучесть.

На этот раз «засадный полк» имперского Второго Флота нанёс удар со стороны океана. Это само по себе было необычно – оттуда полагалось явиться агрессорам, и именно такую схему отрабатывали на бесчисленных командно-штабных учениях. Но на этот раз роли поменялись; инрийская Армада ударила со стороны Загорья, непроходимых, дождевых лесов, отделённых от обжитого побережья труднопроходимым Опаловым хребтом. Имперцы же, наоборот, подняли воздушные корабли с Плавучих островов, которые для этой цели подогнали к Южному Побережью – пять махин поперечником от полумили до семисот футов с целой гроздью крошечных островков-прилипал.

Разведчики-инри неплохо справились со своей задачей: одиночные «стрекозы», почти невидимые со своими прозрачными ходовыми перепонками, обшарили всё Побережье но не обнаружили ни малейших признаков активности Флота. Кто ж мог знать, что военные строители в это самое время лихорадочно сооружали на Плавучих островах причальные мачты и временные склады; что воздушные корабли уходили на секретные базы по одному, или, в крайнем случае, звеньями. А самим строителям, закончившим работы на островах, предстояло торчать в казармах до окончания операции – уровень секретности был высочайшим.

Но ведь сработало! Два ударных соединения зубьями гигантских клещей сжали атакующую Армаду. И та не выдержала, поддалась – сначала посыпались на землю инсекты воздушного патруля, а потом, один за другим стали покидать ордер эскадры величественные воздушные гиганты. Охваченные пламенем, теряя мета-газ из прогоревших насквозь оболочек, они шли к земле – кто медленно, величаво, на ровном киле, кто заваливаясь на борт или утыкаясь в грунт вертикально, носом...

Потери, конечно, были огромны. Из первой волны вернулось не более четверти флапперов – в глазах пилотов отражался ад, из которого им посчастливилось вырваться. Палубные команды выколупывали счастливых из кокпитов, а искалеченных «нетопырей», «кальмаров» и «ос» сбрасывали вниз, чтобы освободить место для других – с ремонтом уцелевших аппаратов возиться, как правило, не имело смысла. Вторую волну удалось поднять в кратчайшие сроки, но ей достались сущие объедки – несколько потерявших ход «облачников», да бестолково мечущиеся в точке рандеву «виверны» ударных крыльев, расстрелявшие боекомплект по наземным целям.

На земле инри сумели сжечь лишь три старых дирижабля, нарочно оставленные в базе, чтобы разведчики Армады засекали их, висящими у причальных мачт. Остальные потери – морские суда, ангары, газгольдеры – представляли, разумеется, немалую ценность, но их потерю с лихвой оправдывал ущерб, нанесённый сильнейшему соединению врага. Под случайно удар попал даже лайнер «Западных линий» – сейчас он беспомощно дрейфовал в сторону океана, медленно теряя высоту.

Выслушав доклад, гросс-адмирал слегка дёрнул уголком рта. Флаг-офицер встревожился – шеф отличался тяжёлым характером, а ведь лейтенанту волей-неволей приходилось рапортовать об упущениях, пусть и допущенных кем-то другим. Гросс-адмирал же досадовал на свербящий зуд в левой, отсутствующей кисти, чуть выше запястья – там, где семь лет назад врубился в сустав клинок инри-абордажника. Неужели – опять война? Что ж, флот, как всегда готов.

Доклад, тем не менее, вызывал раздражение и досаду. Помочь гражданскому судну было невозможно – Флот разворачивал боевые порядки в ожидании нового удара неприятеля. Да и что могли сделать боевые корабли для спасения терпящего бедствие лайнера? Внутренний бассейн Туманной Гавани заперт – в канале, соединяющем его с внешним рейдом сел на грунт флагманский клипер Великого князя, надолго загородив проход любому судну крупнее портового буксира.

Боевым кораблям, стаявшим во внутреннем бассейне, досталось крепко. Два клипера потоплены первой волной, «Кайзерин» села на грунт на фарватере, «Лорелея» пылает, залитая огнестуднем с носа до кормы. Рундшлахтшифты береговой обороны уцелели – на «Барбароссу» зашли три звена, но «грозовые трубы» и «длинные молнии» не сумели нанести круглой бронированной туше сколько-нибудь заметных повреждений. Вторая стальная черепаха, «Гроссер Курфюст» и вовсе осталась незамеченной – броненосец принимал уголь, и портовые баржи скрыли низкий силуэт от вражеских пилотов.

На открытом рейде оставались лишь парусные шхуны, и кроме них, некому было помочь людям с покалеченной «Династии». Но увы, океанский бриз, помогавший пилотам Второго Флота выйти на цель, для парусников стал встречным, не позволяя успеть к предполагаемому

месту падения лайнера. Команда воздушного корабля боролась за живучесть, и не без успеха – мета-газ не горит, а искромсать такую тушу до полной потери плавучести ох, как непросто. Но, как назло, за «Династией», кроме атаковавших её «стрекоз» увязалось ещё и звено «виверн»: наездники-инри, осознав, что они обречены в любом случае, решили перед смертью угробить это, хоть и не военное, но большое и весьма ценное воздушное судно.

Для очистки совести гросс-адмирал направил к «Династии» два звена «ос», ясно понимая, что те опоздают. «Стрекозы» расстреляют боекомплект задолго до того, как лёгкие но, к сожалению, не слишком скоростные перехватчики доберутся до лайнера. Но стремительные «кальмары» наперечёт – слишком много их потеряно во время ударов по «облачникам». Так что, как ни обидно, но лайнер «Династия», гордость «Западных Пассажирских Воздушных Линий» придётся списать. Что ж, это война, а на войне неизбежны потери.

– Герр гросс-адмирал! Доклад с поста воздушного наблюдения на Маяке. «Династия» ведёт бой и, похоже, погибать не собирается!

Передавая начальству бланк депеши, флаг-офицер украдкой прикоснулся ко лбу. Найдёнофф покосился на него – поперёк лба наливался краснотой свежий след контактного слизня.

«Ну, разумеется, – посочувствовал адмирал. – с новыми тактическими планшетами иначе работать невозможно, вот «флажки» и мучаются. Он ненавидел эти инрийские штучки, и, будь его воля, обходился бы по старинке, картами, по которым штабные операторы двигают фигурки воздушных судов и нумерованные фишки ударных эскадронов.

Но прогресс есть прогресс: подобные раритеты, остались, разве что, на дальних окраинах Империи. К тому же, новинки весьма удобны... прошлого года ввели обязательный курс прикладного ТриЭс.

Гросс-адмирал принял депешу, прочёл и покачал головой. С Маяка отстучали вспышками гелиографа: попавший в беду лайнер сумел починиться, привел в действие ходовые перепонки, и теперь пытается уйти в сторону береговой черты, на ходу отбиваясь от наседающих инсектов. Увы, высланные на подмогу перехватчики только что снялись с подвесок, и лёту до цели им не менее четверти часа. А резервов нет, совсем: флапперы воздушной обороны Туманной Гавани, успевшие стартовать с катапульт, догорают на земле, не успевшие – громоздятся грудями обломков возле выгоревших дотла ангаров...

Найдёнофф повернулся к планшету. Линия воздушных патрулей, конечно, напряжена до предела, но вот отсюда можно, пожалуй, снять пару-тройку звеньев.

– Лейтенант, передайте на «Кайзеррайх» – срочно три звена «ос» к «Династии»! Дополнительные баки не брать, пусть, как отработают, садятся на воду. Мы их всё равно принять не сможем.

Гросс-адмирал помолчал и добавил:

– Хоть одно звено, но должно успеть.

Глава III

Теллус. Пассажирский лайнер «Династия»

– Что это, мейн готт! Это учения? Где капитан, почему нас никто не предупредил?

На галерее было полно народу – большинство пассажиров, застигнутые, как и Алекс, за утренним туалетом, высыпали из кают. Встревоженные, порой рассерженные лица, бледные в лиловатых отсветах. Несущие баллоны, нависавшие над прогулочной галереей, то и дело озарялись изнутри бледными сполохами – шкипер «Династии», не доверяя ходовым перепонкам, накачивал мета-газ тлеющими разрядами, чтобы, при необходимости, иметь возможность резко нарастить подъёмную силу. Или, наоборот, стравить мета-газ – и тогда лайнер быстро пойдёт к земле. Можно, конечно, маневрировать плавучестью за счёт изменения плотности мета-газа, но дело это непростое – хрупкие конструкции коммерческого воздушного корабля вряд ли смогут долго выдерживать подобное обращение. Вот если бы это был патрульный корвет, или хотя бы старичок «Лансер» из Практического отряда Воздухоплавательного Корпуса...

А ведь ситуация и правда серьёзная донельзя, раз шкипер «Династии» решился на такие нештатные действия – гражданским судам это запрещено всеми мыслимыми и немыслимыми инструкциями.

– Герр офицер, объясните, наконец, что происходит? – обратилась к гардемарину сухопарая неопределённых лет, дама в сером, отделанном чёрной тесьмой, платье.

За спиной её стояла девушка в светло-салатовом наряде. «Дочь? Племянница? Но до чего хороша...»

Пожилая дама взирала на суету вокруг с таким видом, будто та наносила жесточайшее оскорбление её эстетическим чувствам; судя по страдальческому изгибу её губ, необходимость находиться здесь граничила, с аскетическим подвигом. «Пожалуй, всё-таки дуэнья, а не родственница. – вынес вердикт Алекс. – Разве что, очень дальняя, присматривающая за девицей, вступающую в опасный возраст...»

– Так я дождусь, наконец, ответа, герр офицер? – настаивала «дуэнья».

– Видите ли, я пока гардемарин, в отпуске... – начал было объяснять юноша, но вовремя одёрнул себя. Гражданские напуганы, это естественно – но он, будущий офицер, обязан вести себя спокойно и уверенно.

– Я тоже пассажир, фройляйн, и знаю о случившемся не больше вас. Но, несомненно...

Галерею снова потрянуло, недовольные возгласы сменились воплями страха. Палуба накренилась – «Династия», видимо, исчерпав запас динамической маневренности, начала стравливать мета-газ и теперь шла к земле с сильным дифферентом на нос. Кое-кто из пассажиров не устоял и покатился по палубе. Настырную даму снесло падающими соседями, а её спутница исхитрилась ухватиться за рукав Алекса. Тонкое сукно затрещало. По панорамным стёклам скользнула стремительная тень, устоявшие на ногах пассажиры разом отшатнулись назад, взыв от страха. Мимо галереи – рукой подать! – пронеслась тройка «стрекоз». Туманные, радужные пятна вместо крыльев, отливающая металлом зелень хитиновых панцирей и мертвенно-белые, бесстрастные лица наездников-инри...

Одной рукой Алекс держался за латунный поручень, отделяющий пассажиров от панорамных стёкол, а другой подхватил девицу за талию. Та намертво вцепилась в его китель – слава богу, на этот раз ткань выдержала.

Мысли в гардемаринской голове неслись карьером: «Стрекозы»? Инри? Война началась? Что, чёрт возьми, происходит?...»

А снаружи разворачивалось эффектное зрелище: перед клиньями «стрекоз», нацелившихся, похоже, на капитанский мостик «Династии» – небольшой каплевидный выступ под носовой частью корабля – один за другим расцвели «букеты» огненной завесы. «Виверны» резко сломали курс и брызнули в стороны – потомки гигантских хищных насекомых с плавающих островов Южного Океана, превращённые инрийскими кудесниками в боевых тварей, сохранили стойкий страх перед огненной стихией. Потому все дирижабли, включая пассажирские лайнеры, оснащены «ежами» – гроздьями мортирок, стреляющих «букетами», пиротехническими зарядами.

Поставленные вовремя, «букеты» могут заставить свернуть с боевого курса и «стрекозу» и «виверну», а разлетающиеся жгучие брызги, при удачном попадании, мгновенно прожигают прозрачный хитин ходовых перепонок. Вот, кстати – одна «стрекоза» уже покинула атакующий клин и со снижением ушла в сторону, прихрамывая на левую пару крыльев. Зато две других, описав широкую дугу, снова нацелились на мостик.

Но пассажирский лайнер несёт куда меньше «ежей», чем боевой корабль. Да и митральез, способных встретить прорвавшихся насекомых потоком свинца – раз-два и обчёлся. Если точнее – их на борту «Династии» всего четыре. Две на верхних мостиках, на «спине» воздушного корабля, и ещё по одной – на оружейных площадках, по обоим бортам. И одна из них как раз в двух шагах от Алекса, за стеклом обзорной галереи. Зато, с неожиданным ядом подумал он, каждая обильно украшена фальшивой позолотой, а рукояти сделаны из дорогой мастодонтовой кости...

На этот раз перед «стрекозами» лопнул всего один «букет», видимо – последний, из оставшихся в «еже». Маловато, чтобы напугать осатаневших от злобы и боли летучих тварей – наверняка, инринаездники всю стараются, тыкая жезлами из кислотной лозы в загривки своих «букефалов». Алекс вспомнил занятие по военноприкладной зоологии – преподаватель тогда ещё объяснял, что «стрекозам» удаляют хитиновые пластины, защищающие чувствительные ганглии, чтобы наездники могли точно выверенными болевыми импульсами гнать летучих гадин в бой.

«Стрекозы» изящно, даже несколько неторопливо разошлись, огибая расплывающуюся дымную кляксу. На мостике, возле полуторадиймовой револьверной пушки возились двое матросов – один натужно ворочал орудие, а второй пытался вколотить в направляющие обойму с жёлтыми, маслянисто блестящими патронами.

«Не успеет... – отрешённо подумал Алекс. – Сейчас «стрекозы» сбросят скорость, зависнут, ударят «живой ртутью»...»

И накаркал – заряжающий сделал неловкое движение, обойма, вывернувшись из направляющих полетела на настил. Наводчик кинулся поднимать, но опоздал – «стрекозы» резко тормознули, подогнув под брюхо кормовые сегменты. Из метателей в носовых наплывах тварей, ударили струи сверкающих капелек. Заряжающему прошило голову; грудь наводчика, высушенного из-под щита, усеяло крошечными, но от того не менее смертоносными точками груди и живот. На спине же творился сущий кошмар: мышцы, кости внутренности, развороченные раскрывшимися в крошечные сверкающие бутоны капельками...

Алекса передёрнуло. Страшная это всё-таки штука – «живая ртуть». Нечеловеческая.

Пунктир ртутных брызг прошёлся и по галерее, вызвав там взрыв воплей боли и ужаса. Наводчик, падая, ухватился за приводную рукоять, митральеза повернулась, уставившись связкой стволов на правую «стрекозу». Наездник, видимо, решив, что сейчас по нему откроют огонь, резко бросил свой инсект вниз. Ведомый, акробатически кувырнувшись через левое крыло, нырнул следом.

Передышка? Ненадолго – сейчас «стрекозы» пойдут на третий заход, и выпустят остаток «живой ртути» по забитой пассажирами обзорной галерее.

«А ещё осколки стекла. – леденя, вспомнил гардемарин. – А там пассажиры, женщины, дети!»

Он отцепился от поручня (девушка по-прежнему не отпускала его рукав) и толкнул дверь, ведущую на орудейный мостик. По ушам ударил вой ветра, низкое гудение маховых перепонок лайнера и пронзительный, на грани слышимости, визг маневрирующих на полном ходу «стрекоз». Алекс чуть не поскользнулся на луже крови, но устоял, схватившись за приводную рукоять митральезы. Под ногами лязгнуло – обойма, которую так и не успел вставить в приёмник второй номер. А «стрекозы» уже заложили вираж, выводящий прямо в борт неуклюжей машине «Династии».

Обойма, класнув, встала на место. Алекс, навалившись на обшитый кожей приклад, разворачивал пушку.

«Далеко – может, наездники и не заметят этого движения, сочтут, что прислуга митральезы перебита, А за массивным казёнником и щитом нас сразу не разглядишь...

...нас? Это, простите, кого?»

Оказывается, девица никуда не делась. Вот она – едва справляется с приступом тошноты, но по-прежнему держится за многострадальный рукав. А ведь ему второй номер сейчас не помешает – тем более, что на прогулочной галерее во время атаки будет так же опасно, а здесь щит даёт хоть какую-то защиту...

– Фройляйн... простите, не знаю, как вас величать. Короче, хватайте вон ту ручку!

Он ткнул пальцем в приводной рычаг с правой стороны казённика.

– Соболевски Элене-Луиза, весьма приятно... – невпопад откликнулась девица. – Что, вы сказали, мне надо делать?

Алекс машинально отметил, что новая знакомая, судя по выговору, – русских кровей, как и он сам. Причём из весьма аристократического семейства.

– Вот, хватаетесь и проворачиваете изо всех сил!

Девушка честно попыталась выполнить полученную инструкцию, но дело не задалось – рычаг провернулся только до половины, а потом шестерни заскрежетали, и механизм заклинило.

Гардемарин многоэтажно выругался, оттолкнул девицу и, схватившись за рукоять, рванул на себя. Что именно помогло – площадные ругательства или прямолинейный силовой подход, – девушка и не поняла, а только клятвое приспособление отозвалось утробным чваканьем и, наконец, провернулось.

– Вот так и надо – ты крути, а я буду наводить! И, главное, не останавливайся, равномерно крути, ворона!

– Да как вы смеете, сударь... – вскинулась Элене, но гардемарин не слушал – вцепившись в сдвоенные рукояти, он разворачивал митральезу, ловя цель в радиальную сетку прицела. Сощурился, надавил на спуск – началось!

Стволы проворачивались, по очереди выплёвывая снопы дыма и искр. Густо завоняло запахом порохов; тумба после каждого выстрела ходила ходуном. Девушка вытянула шею, пытаясь разглядеть результаты пальбы, но чуть не полетела с ног от тычка между лопаток.

– Да что ж ты...! КРУТИ, мать твою! – орал гардемарин, – Ну живее, милая!..

Может, и следовало немедленно бросить мерзкий аппарат и отхлестать забывшего стыд и уважение негодяя по щекам, но... Вместо этого, Элене обеими руками рванула на себя изогнутую рукоять. На этот раз всё получилось – масляный лязг, скрежет, удар по ушам, вспышка...

...и снова:

Рывок – клац – чвак – ба-бах – вспышка! Рывок – клац – чвак – ба-бах – вспышка!!

Плечи навалившегося на казённик Алекса тряслись от каждого выстрела. Пороховой дым затянул мостик так, что девушка уже не понимала, куда стреляет её напарник.

Рывок – кляц – чвак – ба-бах – вспышка! Рывок – кляц – чвак – бабах – вспышка!

Элене кричала что-то неразборчивое, Алекс с натугой поворачивал плюющуюся огнём митральезу, за расходящимися в стороны «стрекозами» – они так и не успели пустить в ход метатели. Вот правая будто споткнулась в воздухе, кувыркнулась и сломанной куклой полетела вниз.

– Одна есть! – не помня себя от восторга, заорал гардемарин, ведя стволами за уцелевшей тварью.

После очередного выстрела, потроха адской машины отозвались каким-то иным лязгом, а рычаг, дойдя до задней точки, так в ней и остался. И, сколько Элене его не дёргала, приспособление не желало возвращаться на место. «Стрекоза» тем временем сделала бочку и с набором высоты ушла в сторону. Повторит заход? Или – самоубийца больше нет? Стволы револьверной пушки дымились, под ногами катались стреляные стрелянные гильзы.

– Да оставь ты его в покое!!! Не видишь – обойма кончилась! Вон там, в рундуке, боеукладка, тащи сюда! – Алекс ткнул пальцем в ящик позади орудия. Там медно отсвечивали обоймы полуторайдомовых унитаров.

– Да не стой, как три тополя на бульваре Князя-Канцлера! ПОДАВАЙ, Я СКАЗАЛ, ОБОЙМУ, ДУРА!

А вот тут он погорячился. Вокруг могли рушиться империи, падать воздушные корабли – но сносить вот такого обращения юная аристократка более не желала. Она повернулась к обнаглевшему вояке и от души хлестнула его по физиономии. Девушка вложила в эту пощечину всё свое возмущение, всю досаду по поводу того, как отвратительно завершилось такое приятное путешествие.

Голова гардемарина мотнулась; от неожиданности он попятился, и, запнувшись, на раскатившихся гильзах, самым нелепым образом полетел задницей на настил мостика. А приземлившись, устался на соратницу с таким недоумением и испугом, будто увидел призрак зверски замученного князя-канцлера Виллема. Это было так уморительно, что с Элене разом слетели страх и раздражение, и девушка безудержно расхохоталась.

Бой подходил к концу. Невольная помощница Алекса уже вбила в приёмник митральезы последнюю обойму. Остальные они расстреляли, отражая атаки «стрекоз» – и, когда появились два звена «виверн», в кранцах оставалось обойм пять, не больше. Теперь закончились и они.

Огневые точки «Династии» замолкали одна за другой. То ли расчёты полегли под струями «живой ртути», то ли тоже израсходовали боезапас и сейчас в бессильной ярости грозят проносающимся мимо врагам кулаками. Да, так и есть – с верхней носовой площадки сорвалась, разбрызгивая красные искры, сигнальная ракета. Жест отчаяния, попытка напугать атакующий инсект, сбить ему прицел. «Виверна» слегка вильнула, и тут же вернулась на боевой курс. Алекс в ярости саданул кулаком по щиту – изгиб корпуса не позволял обстрелять цель. Гардемарин до боли ясно представил, как пунктиры смертоносных капелек рвут прислугу картечницы и пронизывают.

По коже пробежали тысячи жалящих мурашей – шкипер «Династии», стараясь компенсировать потерю подъёмной силы в изрешеченных ёмкостях, «подхлестывал» мета-газ гальваническими разрядами. В баллонах наверняка уже полным-полно прострелов, по такой крупной цели промахнуться мудрено – но и общий объём громаден, лайнер теряет газ очень медленно. Конечно, рано или поздно эти потери скажутся, и тогда придётся снижаться – но пока воздушный корабль уверенно держит высоту.

И тут появились «осы». Лёгкие истребители, столь популярные у молодых пилотов, настигли «виверн», и когда те попытались виражом уйти в сторону моря – изрешетили два инсекта головного звена очередями револьверных пушек, установленных под гофрированными носовыми обтекателями. Алекс знал эту систему – блок стволов приводился во вращение тот

же механизм, что заставлял трепетать ходовые перепонки, а патроны подавались из вместительного бункера, расположенного прямо перед пилотом.

Расправившись с парой «виверн», флапперы разделились – два ушли в сторону с набором высоты и выписывали широкий вираж, заходя для повторной атаки. Третий боевым разворотом скрылся за корпусом лайнера – надо думать, смекнул гардемарин, чтобы, описав петлю вокруг воздушного корабля, атаковать уцелевших насекомых снизу.

Внезапно ожила митральеза на верхней площадке. Сквозь рёв воздушного потока, визг «виверн» и низкое гудение ходовых перепонки прорвалось её судорожное тарактенье. Крайняя «виверна» будто напоролась на невидимую преграду – судорожно дёрнулась и, перекувырнувшись в воздухе, полетела к воде.

И тут же из-под брюха воздушного корабля вынырнула ещё одна «оса». Она обстреляла ведущую «виверну» второго звена и стремительно ушла в набор высоты, ловко увернувшись от плевка «живой ртути».

Две другие кинулись навстречу атакующей паре флапперов – и одна за другой кувырнулись вниз. От правой «виверны» отделился тёмный комок и раскрылся треугольным спасательным парусом. Алекс пригляделся – под ним, в невидимых отсюда растяжках словно лежала на воздушных струях фигурка инри-наездника. А футах в трёхстах ниже «Династии» парили ещё два крошечных белых треугольника – наездники сбитых насекомых ещё надеялись на спасение.

Алекс кровожадно улыбнулся. Всем известно, что инри готовы рисковать, подбирая попавших в беду наездников. Но сегодня этот номер не пройдёт.

Словно подтверждая эту мысль, последняя «виверна» переворотом через крыло упала сразу футов на двести – и на лету подхватила парящую фигурку брюшными отростками. Смятый треугольник паруса отлетел в сторону, а «виверна» снизилась к воде и повернула в сторону берега.

Далеко уйти ей не дали. «Осы» спикировали на ползущего над самыми гребнями волн инсекта и несколькими точными очередями разорвали его в клочья. Алекс даже с такого расстояния увидел, как лопается кольчатое брюшко, как отлетают, радужно сверкая на солнце ходовые перепонки. Сделав вираж над местом падения «виверны» пилоты пошли вверх, стремительно нагоняя беззащитные «паруса».

Конечно, подумал, Алекс, можно дать поганым нелюдям помучиться – внизу их не ожидает ничего, кроме хищников-скатов, или, если особенно повезёт, недолгого ожидания смерти в совсем не тёплой воде. Но – почему, скажите на милость, пилоты «ос» должны отказывать себе в маленьком удовольствии?

Инри не любит никто.

Мимо мостика с густым жужжанием маховых перепонки пронеслось ещё одно звено перехватчиков – на этот раз, тяжёлых «кальмаров». Гардемарин едва сдержался, чтобы не заорать от восторга – успели, не бросили на растерзание, теперь всё будет хорошо! Его новая знакомая и не думала скрывать своих чувств: она подпрыгивала, держась одной рукой за леер, а другой махала тем, что осталось от элегантной шляпки. Волосы – густые, роскошные, цвета тёмной меди, – растрепались на ветру и то и зело скользили по щекам и лбу молодого человека, окутывая его незнакомым, но чарующим ароматом. Но девица явно не замечала этой почти интимной ласки, которую невзначай подарила дерзкому гардемарину – она была целиком увлечена тем, что творилось в воздухе рядом. Элене (так, кажется, её зовут?) и думать забыла об истерзанных телах на оружейной площадке, о пальцах, сбитых в кровь острыми кромками обойм. Пилот ведущей «осы» заметил зрительницу и качнул флаппер из стороны в сторону.

Победа! Победа!

Алекс оглянулся. Стёкла прогулочного мостика все в крошечных дырочках от укулов капель «живой ртути». Трупов, раненых не видно, видимо, пассажиры вовремя опомнились и покинули опасное место. Хоть на этом спасибо...

– Ну, чего застыли? – Элене требовательно дёрнула его за рукав. – О недавнем оскорблении, как и о пощёчине, она, похоже, забыла. – Вы же офицер! Может, там нужна ваша помощь?

Её волосы – ароматные, медно-сияющие – по-прежнему плескались по ветру. Алекс с трудом оторвал от них взгляд.

– Я всего лишь гардемарин, фройляйн Элене. – поправил он новую знакомую. – Но вы, конечно правы. Сейчас найду кого-нибудь из команды, спрошу что делать.

– Не смейте называть меня этим дурацким именем. – девица состроила капризную гримаску. – Я – Елена. Елена Соболевски. Запомнили, надеюсь?

Глава IV

Теллус, где-то над Опаловым Хребтом

– А-а-о-о-э-э-эй-йя!

Тонкий, пронзительный, мелодичный вскрик. Нет, не вскрик – музыкальная фраза, строка из чужой, непонятной песни. Во время близости К'йорр не кричал, не стонал, не сопел, как самцы-человеки – он пел. Вернее – выводил странную, леденящую кровь мелодию на инрийском, лишь изредка прерывая её требовательными возгласами. И это необъяснимым образом заводило Чо, и даже в некотором роде мирило её с положением игрушки, рабыни для удовольствия.

Если с этим вообще можно когда-нибудь примириться.

Уши К'йорра, и без того острые и длинные, заострились, вытянулись. Чо знала, что так происходит всякий раз, когда он выходит на пик наслаждения.

«Значит, сумела угодить. И сейчас...»

– А-а-о-о-э-э-эй-йя!

– А-а-ах!

Чо не сдержала болезненного вскрика, когда скрюченные пальцы впились ей в ягодицы, приподнимая и резко насаживая на окаменевшую плоть. Хорошо хоть, К'йорр коротко подрезает ногти и не заостряет их, как это принято у многих инри. Девушка понимала, конечно, что никакой особой доброты в этом нет – просто хозяин не хочет портить ценное имущество. Что до неизбежных синяков, то чудодейственные мази инрийских лекарей уберут их за полдня, и тогда её зад – круглый, крепкий, который она по требованию хозяина почти не прикрывает прозрачной туникой – обретёт прежнюю привлекательность.

Понимала, знала – и всё равно была благодарна за эту милость. Ведь могло быть совсем не так. Гораздо, гораздо хуже.

Среди рабов-людей ходит поверье – и далеко не беспочвенное, надо сказать, – что инри, эти утончённые, холодные, как лёд, существа, давным-давно разучились доставлять друг другу чувственное наслаждение. Некоторые из них находило замену в Третьей Силе. Такие с презрением и даже брезгливостью смотрели на соплеменников, ищущих плотской страсти в низших существах, рабах и рабынях человеческой расы – хотя и не отказывали им в этом праве. Природа, в конце концов, требует своего, и это относится даже к столь возвышенным существам. И уж тем более, это справедливо в отношении наездников боевых инсектов. Безумные всплески эмоций, как и выбросы Третьей Силы, сопровождающие воздушные бои, требовали ответного всплеска животной страсти, который можно получить, лишь овладев женским (или мужским, ведь среди наездников хватало и женщин) телом.

Так что наездники не гнушались удовлетворять естественные потребности своих организмов с человеками-рабами из палубной прислуги. И это приводило с серьёзной убыли обученного персонала, поскольку любой наездник, получив своё, не задумываясь, выбрасывал живую игрушку за борт. Иногда, в качестве особой милости, перерезая ей (или ему) горло одним из восемнадцати приличествующих подобному случаю способов. Убыль эта была таковы, что армад-лидер даже издал приказ, запрещающий употреблять более одной «игрушки» после каждого боевого вылета. Разумеется, никому не приходило в голову жалеть человеков – но на обучение рабов уходит время и средства, а их нехватка может сказаться на боеспособности «гнездовья».

Но, чтобы держать при себе одну рабыню, и не неделю-другую, что порой всё-таки случилось, а больше полутора лет?

К'йорр недаром слыл среди соплеменников оригиналом. Впрочем, ему было на это наплевать – рой-лидеру, способному вести за собой две дюжины одноразовых ударных коконов, прощалось многое. Хочет держать при себе рабыню – маленькую, словно десятилетняя девочка, со странными раскосыми глазами, крошечными ступнями изящных ножек и отнюдь не детскими полушариями груди – что ж, имеет право. Недовольные могут бросить ему вызов и решить спор одним из ста сорока семи способов, предписанных Дуэльным Кодексом сословия Наездников. Нет кандидатов? Неудивительно – репутация К'йорра такова, что жаждущие поединка с ним перевелись лет сто назад.

Так что, Чо, убажывая хозяина, чувствовала себя в относительной безопасности. Да, груди и ягодицы будут болеть, истерзанные его каменными пальцами, но это не страшно. Зато у неё будут целые сутки, пока не подействует мазь, сводящая синяки – блаженные сутки, в течение которых хозяин не взглянет на свою игрушку. Инри не терпят даже крошечного несовершенства.

А вот другие её обязанности никто не отменял. И когда К'йорр, приняв вихревой душ (порой его снисходительность заходила так далеко, что он позволял воспользоваться им и любимой игрушке), отправится на ангарную палубу, дрессировать «обрубки» – Чо будет рядом. Она – превосходная служанка, и хозяин это ценит.

Вот и хорошо, подумала девушка, подчиняясь настойчивым требованиям рук партнёра. Пусть ценит – и тем сильнее однажды будет его разочарование.

Но – не сейчас.

– А-а-о-о-э-э-эй-йя!

– А-а-ах!..

Неважно, что на полётной палубе «гнездовья», всего в сотне футов от цинковки, на которой сплелись обнажённые тела, рабы-человеки обливаются потом, цепляя на стартовые кронштейны последние уцелевшие «стрекозы». Неважно, что «Высокий Замок» с трудом отбил от «кальмаров» и теперь маневрирует, медленно теряя метагаз из распоротых баллонов. К'йорр из клана Звёздных Гонителей, удовлетворяет свою страсть. Весь остальной мир, включая и армад-лидера и весь, пропади он пропадом, воздушный флот человеческой Империи, может подождать.

И потом, это же так изысканно: взрыв страсти, которую способна дарить его выпитому Третьей Силой телу лишь черноволосая, изящная, как чашка инрийского фарфора, малютка Чо; и совсем рядом – разрывы бомб уносящих жизни, десятки жизней...

– А-а-о-о-э-э-эй-йя!

Небольшая, в несколько тысяч человек, японская община, давным-давно обосновались на бродячем архипелаге из полудюжины сравнительно крупных, до полутора миль в поперечнике, Плавающих островов, двух десятков островов поменьше и огромного количества островков-прилипал, на ином из которых и шалаш-то поставить негде. Члены общины, по большей части, крестьяне и рыбаки прибрежных деревень – в ней даже самурая-то не было ни одного. Нимало не задумываясь о грозной природе сил, определивших их на жительство в другой, чужой мир, японцы устроились и здесь – как жители Страны Восходящего солнца устраивались после любого природного катаклизма, на которые богата их земля, зажатая между морем и огнедышащими горами.

Ловили рыбу, крабов и прочих морских гадов, которых не счесть было по мохнатым подводным кромкам Плавающих островов и, особенно, в длинных, на многие сотни футов, шлейфах-«бородах» из водорослей и Амагерасу знает, какой ещё морской растительности тянувшихся вслед за островками. Строили синтоистские храмы и берегли веру предков; вырезали из костей морских млекопитающих статуэтки Будды и воскурляли перед ними ароматические палочки, изготовленные из особого вида водорослей. Изредка враждовали друг с другом, но

обычно договаривались мирно: океан беспределен и способен прокормить всех, кто готов рискнуть ради этого своей шкурой.

Община жила замкнуто. Бродячий архипелаг медленно перемещался, из года в год следуя одним и тем же петлям океанических течений. А когда оказывался в пределах досягаемости от обитаемой земли – на острова наведывались торговцы. Они выменивали паучий шёлк за изделия из металла, керамики и стекла, которых не было у местных жителей. А заодно, пересказывали леденящие кровь слухи о жестоких войнах великих Империй, в которых сталкивались в жестоком противостоянии люди и нелюди, морские и воздушные корабли, сталь, огонь и Третья Сила.

Обитатели бродячего архипелага, конечно, знали об этой сущности, пропитавшей подаренный им мир. В кронах деревьев самых крупных из Плавучих островов обитали лемуры – удивительные разумные существа с большими глазами и тремя тонкими, многосуставными пальцами. Третья Сила (на островах её, разумеется, называли по-своему) впиталась в плоть и кровь лемуров, а потому люди старались уживаться с ними мирно. Зачем ссориться? Мир велик, океан велик, а островков, плетущихся в кильватере бродячего архипелага, хватит на сотни новых обитателей...

Постепенно население росло, заселяя и малые острова. На один из них и перебралась община, в которую входил пра-пра-и ещё неизвестно сколько раз прадед Чо. Но откуда им было знать, что островок Сирикава-го (название было выбрано в память о «земной» деревне, где обитали их предки) однажды вздохнёт, содрогнётся, словно гигантское морское млекопитающее, оторвётся от воды – и пойдёт вверх, волоча за собой развевающийся по ветру шлейф морской растительности, из-за которого Летучий остров похож на гигантскую неопрятную медузу?

Вообще-то, обитатели Сирикава-го могли и догадаться о том, что их ждёт. Они ведь добывали на своём островке мета-газ, используя для этого бамбуковые трубы с заострёнными концами, которые втыкали в переплетения корней – глубоко, порой да десятки локтей. Газом наполняли бумажные детские фонарики и большие шары из паучьего шёлка, способные поднять человека с поклажей. Но кому пришло бы в голову, что процессы, идущие в недрах Сирикава-го, однажды вырвут его из водной стихии и унесут вместе со всеми обитателями в стихию воздушную? Такая участь ожидала, в лучшем случае, один островок из сотни – остальные успевали разрастись, тяжелели и навсегда лишались способности взмыть в воздух.

Повезло жителям Сирикава-го, или нет? Да, им пришлось менять привычный уклад жизни – но ведь это привычное дело для обитателей Японии. Выяснилось, что в «шлейфе» из водорослей можно добывать пищу не хуже, чем в море, а куры превосходно плодятся и на высоте в десять тысяч футов. Как раз на такую высоту (плюс-минус несколько сотен футов) поднимались Летучие острова – чтобы медленно, следуя с воздушными потоками, отдрейфовать в экваториальные области.

Правда, торговцы больше не появлялись на острове, и брать металл и стеклянные зеркала, которые так любили сверстницы Чо, стало негде. Ничего, приспособились – и жили, и даже находили в этом некоторые удобства. Да они были отрезаны от остальных людей – но зато и опасности больше нет никакой! На Плавучие острова, случалось, нападали пираты – грабили, захватывали невольников, похищали детей и женщин, куражились, как могли, над беззащитными островитянами. А теперь – поди, достань их за облаками!

Они даже научились летать. Нет, пользоваться шарами с метагазом обитатели Сирикава-го умели давно. Перейдя же в разряд небесных жителей, они научились делать парящие треугольные воздушные змеи из легчайшей древесины и паучьего шёлка – и даже ухитрились перелетать на них на другие острова, когда те попадались навстречу в экваториальных воздушных реках. Дети и молодёжь сделали из этого излюбленное развлечение, и крошечная Чо научилась ловчее других управляться с парящим шёлковым змеем, легко ловя восходящие потоки, способные занести её на огромную высоту, где царит леденящий холод и не хватает

воздуха для дыхания. Чо обожала полёты – как и изошрённое, крайне сложное в овладении искусство рукопашного боя, которое бережно сберегали на Сирикава-го. Знаток единоборств из другого мира, пожалуй, углядел бы в нём смесь окинавского рукопашного боя с традициями китайских и корейских монахов. Но на Сирикава-го не разбирались в подобных тонкостях, а седой, как лунь сенсей охотно брал учеников. Правда, лишь немногим из них удавалось овладеть хотя бы основами его науки; высот же достигали и вовсе единицы. Чо как раз выпала удача войти в число таких счастливых – и она делила своё время между ткацким ремеслом, удовольствием, получаемым от свободного парения и ежедневными танцами-ката, перемежаемыми редкими ритуальными поединками.

Так они и жили – пока на Сирикава-го не пришли инри.

Что было нужно чужой высокомерной расе на этом клочке суши, скитающемся в экваториальных небесах? Чо не знала. Зато она точно знала, что инри убили всех его обитателей. Сначала людей – тут сложностей не возникло, немногих мужчин, бросившихся на чужаков с заострёнными бамбуковыми шестами и ножами, даже не застрелили – зарубили, обсуждая после каждого удара технику и изысканность его нанесения. С лемурами возникло несколько больше сложностей – всё же, эта раса на уровне инстинктов владела Третьей силой и умела применять её для самозащиты. Но когда последний большеглазый рухнул в корчах наземь, в живых осталась только Чо. Одна из шести десятков людей и вдове большего количества лемуров.

Зачем инри совершили это злодеяние? Чо не знала. Возможно – походя, так же естественно, как они дышали и совершали прочие естественные отправления. Девушка даже не поняла толком, зачем остроухие убийцы заявили на Сирикава-го. Она только видела, как инри (вернее, приведённые ими с собой люди-рабы) что-то извлекали из испорченных странными инструментами недр островка, грузили в большие серебристые ящики и со всеми предосторожностями отправляли на «облачник». Кстати, невольников, выполнявших эти работы, тоже перебили – так же хладнокровно, как и местных жителей.

А вот почему сама Чо осталась в живых – она знала очень хорошо. Трое наездников-инри, сопровождавших «облачник» на своих «стрекозах» затеяли от нечего делать страшное соревнование – кто глубже разрубит живое тело пленника-островитянина однимединственным взмахом изысканно изогнутого клинка? Победил К'Йорр, трижды продемонстрировав свой коронный удар, разваливающий человека от ключицы до пояса – непременно так, чтобы верхняя половина тела соскальзывала по линии разреза вниз, открывая взору пузырящиеся кровью внутренности.

После того, как соперники К'Йорра неохотно признали поражение, он испытал чувство, которое всегда испытывал после удачного вылета, выигранного спора или победной дуэли. Ему остро захотелось женщину. А наездник не привык отказывать себе в подобных желаниях – благо, ещё не все пленники приняли смерть под равнодушными прозрачно-голубыми клинками.

Чо он отыскал в одной из хижин – и овладел ею прямо там, на циновке, расстеленной на укрытом толстым слоем листьев полу – благо, девушка была так потрясена сценами расправ, что впала в ступор и не думала даже сопротивляться.

После чего следовало встать, удовлетворённо потянуться, поправить полосатые сине-бронзовые кюлоты (обязательная часть униформы клана Звёздных Гонителей), и «фирменным» взмахом клинка отправить мимолётную игрушку вслед за её соплеменниками. Но – К'Йорру Чо неожиданно понравилась, причём настолько, что он самолично (невиданное дело!) отнёс укутанную в покрывало девушку к «Стрекозе», запихнул в технический отсек, и велел сидеть смирно.

Так у К'Йорра появилась личная рабыня. А когда выяснилось, что она старательна, услужлива и быстро усваивает новое, инри сделал её доверенной служанкой. Как уже знает читатель, этот инри был не простым наездником, а рой-лидером, а значит, на нём лежали подготовка и обучение несколькими дюжинами «обрубков» – живых наводящих устройств бомбо-коконов роя, выращенных на особых фермах из человеческих младенцев. Сопутствующие обязанности далеко не всегда доставляли К'Йорру удовольствие. Да что там – порой они были отвратительны, например, кормление и процедуры, связанные с гигиеной. Но тут уж нельзя было ничего поделать: «обрубки» слишком важны, чтобы доверять заботу о них туповатым, радующимся любой возможности подстроить исподтишка пакость, палубным рабам. Так что, помощь толковой и исполнительной Чо, готовой к тому же в любой момент угодить хозяину одним из полусотни нравящихся ему способов, была очень даже кстати.

Палубный раб не может перемещаться по кораблю иначе как бегом и с поклажей в руках. Хоть лёгкой трусцой, хоть с парой свёрнутых сигнальных флажков или стаканом воды – только не шагом и не налегке. Это аксиома, это – нигде не записанное, но непреложное правило для всех «облачников». А потому Чо несла в руках тонкую стопку полотенец, украшенных, как и прочие личные вещи мейсера К'Йорра, бронзово-зелёным щитком с замысловатым инрийским иероглифом. Необходимости в полотенцах не было никакой, на фарм-деке имелось всё необходимое, но – правила!

А вот прикидываться, что она бежит, не приходилось. Чо едва поспевала за хозяином, который при его двухметровом росте имел привычку перемещаться с такой скоростью, что даже неспешная прогулка обращалась для девушки спринтерским забегом.

А уж сейчас К'Йорр и вовсе не был склонен к променадам. Его, словно ожог кислотной лозы, гнал вперёд приказ армад-лидера: «Всем рой-лидерам приготовиться к вылету в максимально возможных составах. Армада отступает – и вам доверена честь нанести неприятелю визит Тени и Забвения».

И вот – беги теперь по коридорам фарм-дека, едва поспевая за разъярённым почти до невменяемости инри...

Когда «гнездовье» ведёт активные боевые действия (неважно, принимает или выпускает насекомых, отражает атаку неприятеля) здесь обыкновенно бывает пусто. Жизнь, суета – это всё на полётных палубах, там прислуга оснащает «стрекоз» и «виверн», втаскивает их на кронштейны, там наездники-инри или особо доверенные пилоты-люди получают последние указания и свершают предполётные медитации. А здесь, в глубине гондолы, где в чанах зреют, ожидая сборки, живые компоненты насекомых, делать во время боя совершенно нечего. Одни только скучающие рабы-дежурные проверяют время от времени температуру питающих шлангов, похожих на пульсирующие полупрозрачные, покрытые тошнотворными потёками кишки. Да досыплют, согласно утверждённого графика, реактивы в пищеварительные чаны и живородящие автоклавы.

Фарм-дек это родильное отделение и оружейная мастерская центр «гнездовья». Здесь создаются и готовятся к грядущим баталиям главные компоненты его ударной мощи – боевые насекомые и бомбо-коконы.

И, конечно, начинка последних – «обрубки».

Вырастить это усечённое ещё до рождения создание не так уж сложно. Пять-шесть дней, за которые ураганный обмен веществ выполнит то, на что в естественных, природных условиях понадобилось бы десять лет – и пожалуйста, полуфабрикат готов. Питай его через мясистую трубку, заменяющую рот, выводи экскременты через другую, такую же, но с противоположной стороны – вот и все заботы.

А вот обучить «обрубков», добиться, чтобы он один-единственный раз в своей недолгой жизни сделал то, ради чего появился на свет из изменённого чрева специально отобранной рабыни, а потом ждал своего часа внутри полупрозрачной оболочки, в тёпленькой маточной

жиже – задачка не из лёгких. Обычно ею занимаются сами рой-лидеры, чтобы не было потом соблазна свалить неудачу на кого-то другого, схалтурившего при обучении «обрубков». Твой успех – в твоих собственных руках. Только так, и никак иначе.

К'Йорр возился с обучением очередной партии уже неделю – разумеется, с помощью Чо. Маленькая японка помогала прилаживать в пустые впалые глазницы и на виски отростки контактных слизней – эти создания обеспечивали живым «системам самонаведения» связь с внешним миром; она удаляла органические выделения беспомощных тел. Она то и дело обтирала их губками с ароматическими маслами – К'Йорр терпеть не мог тяжёлых запахов, издаваемых человеками. А когда «обрубок» справлялся с учебным заданием – капала в трубку-рот поощрительную порцию сладенького сиропа.

Дрессировка.

Но теперь это всё позади. У дверей отсека с обрубками К'Йорра его спутницу поприветствовали, согнувшись в почтительном поклоне, трое палубных рабов. Им предстояло погрузить на тележки оболочки с «обрубками» и доставить их на полётную палубу, где под руководством К'Йорра (и не без помощи Чо, разумеется) пересадить «обрубки» в бомбо-коконы. Оттуда их уже не извлекут.

За спиной простучали лёгкие шаги. Чо обернулась на пол мгновения опередив хозяина – и тотчас пожалела об этом.

– Я вижу, К'Йорр, у твоей наложницы реакция быстрее? А в чём, интересно, ещё она тебя превосходит?

Рой-лидер скривился. Л'Тисс, наездница из клана Следа Гранатовой Змеи. Чо она была знакома – холодная, даже по сравнению с прочими инри, девица, красивая, как все инри, высокомерная, язвительная, как кислотная лоза. И – смертельно опасная: однажды Чо видела, как Л'Тисс выбралась из подбитой «виверны», схватила первого попавшегося раба и яростно отдалась ему – нет, овладела им! – прямо на полётной палубе, под изодранной в клочья ходовой перепонкой своего инсекта. После чего – снесла несчастному голову точно выверенным взмахом ритуального клинка.

– Что, рой-лидер К'Йорр, поджилки трясутся? – продолжала меж тем незваная гостя. Правильно, сейчас самое время – «удар Тени и Забвения», слышал, конечно? Поздравляю с оказанным доверием! И, кстати: когда ты не вернёшься – а ты сегодня не вернёшься, уж поверь! – я попробую, наконец, твою рабыню. Давно хотела узнать: что в ней такого особенного, что ты так за неё держишься?

И смерила Чо призывным, полным похоти и угрозы взглядом.

Девушка не дрогнув, выдержала его – и услышала, как застонал от ненависти К'Йорр. Ему смертельно хотелось прямо сейчас, наплевав на все приказы, бросить дерзкой девице вызов.

Но – нельзя. Л'Тисс одна из немногих, кто превосходит К'Йорра во владении всеми без исключения видами оружия, по которым у кланов Звёздных Гонителей и Следа Гранатовой Змеи заключено дуэльное соглашение. Хозяин попросту боится Л'Тисс, и Чо пугает, что как легко она это поняла. Такого не прощают никому, и уж тем более, рабыням. Даже самым доверенным.

Наездница, поймав взгляд Чо, недобро усмехнулась.

– Что, девочка, боишься? Не надо, тебе будет хорошо... поначалу. А потом – в конце концов, вы, человеки, так мало живёте, что нет смысла цепляться за лишний десяток-другой лет. Верно?

Она засмеялась, резко, на каблуках, развернулась, взмахнув серебристо-пепельными волосами и пошла прочь по коридору, оставив К'Йорра в бессилии скрипеть зубами.

А ведь опасаться и правда, имеет смысл, поняла вдруг Чо. И отнюдь не только Л'Тисс. Изысканный, как это принято у инри, оборот «удар Тени и Забвения» на деле означает отвлекающий удар с целью замаскировать отступление потрёпанной Армады. И не зря К'Йорра коло-

тит сейчас мелкая дрожь – возвращения после такой миссии не предусмотрено ни для бомбоконов, ни для тех, кто поведёт их в единственный и последний бой. Рой-лидеру почти наверняка предстоит разделить судьбу возвращённых им «обрубков». А это значит.

Девушка едва сдержала торжествующую усмешку. Похоже, пришло время приступить к выполнению давно задуманного. Если промедлить хоть немного, будет поздно. А если нет – то через полчаса, может, час, и она будет свободной.

Или – перестанет жить. Это, в общем, тоже неплохой вариант – во всяком случае, для Чо.

Глава V

*Земля, Северное море.
...ноября 1917 г.*

Цеппелин Кайзерлихмарине L-32 уже сутки играл в кошки-мышки с поджарыми, словно гончие – уишеты, дестроерами британского Гранд Флита. Стоило призрачной сигаре мелькнуть в разрывах низких туч, корабли боевого охранения эскадры адмирала Джеллико кидались на перехват.

Перед каждым участником этой игры стояла своя задача. Цеппелин старался как можно дольше сохранять визуальный контакт с линейным порядком британцев, оповещая стрекотом морзянки радиотелеграфистов Гохзеефлотте. А эсминцы Его Величества короля Георга стремились оттеснить настырных германцев за горизонт, поймать в западню изломанных курсов и директрис, растерзать огнём стомиллиметровок, засыпать шрапнелью. Или хотя бы отогнать подальше от бронированной колонны, чтобы скрыть очередное изменение курса. При удачном раскладе, разорвавшие контакт с цеппелином линейные крейсера запросто могли «исчезнуть» с германских штабных планшетов, чтобы объявиться в самый неподходящий момент в неожиданном месте.

Острые форштевни резали волну, буруны расходились длинными пенно-белыми усами, злая, короткая волна Северного Моря разбивалась об измятые скулы. И – скорость, скорость! Успеть, выйти на дистанцию эффективной стрельбы, приветить наглецов близкими разрывами, отпугнуть, отогнать...

Но такая неуклюжая, медлительная с виду летучая сигара неторопливо разворачивалась и легко оставляла рассерженных «гончих» за кормой – даже на средних оборотах своих «Майбахов», цеппелин без труда давал полсотни узлов, в то время, как эсминцы даже на новеньких котлах, даже со свежеекрашенными днищами с трудом выжимали тридцать пять. А сейчас, разболтанные в бесчисленных походах Великой Войны, они хорошо если давали тридцать – да и то, на крайнем надрыве турбин, в бешеной вибрации, от которой через час-другой такого хода начинают вылетать заклепки листов обшивки. Казалось бы, у гордых сынов Альбиона нет шансов – цеппелин без особого труда сохранял безопасную дистанцию, не теряя контакта с основным порядком британцев.

Но так только казалось.

С расстояния в несколько миль даже самый внимательный наблюдатель, вооруженный цейссовской оптикой, не сразу разглядит выросший у форштевня бурун, точное указание на то, что корабль резко увеличил скорость. «Воздушному» же зрителю корабли кажутся неподвижными, а камуфляжные зигзаги, которыми исполосованы их узкие тела, искажают наблюдаемый силуэт, затрудняя до предела и без того нелёгкую задачу – определить курс цели по отношению к цеппелину. Если прозевать момент поворота, не уловить прироста скорости – расстояние между пушками эсминца и хрупкой, наполненной взрывоопасным газом, громадой начнет стремительно сокращаться. А снаряд из стамиллиметрового морского орудия летит на верные пять миль.

Несколько минут такой «форы» – и эсминец открывал ураганный огонь, наполняя воздух метелью острых, как бритва, раскаленных осколков. Не слишком прицельно, конечно. Предельные дистанции, бешеный ход, тряска – всё это отнюдь не способствует точности стрельбы. Но прямых попаданий и не требуется – стоит хотя бы одному осколку стали раскроить емкость с водородом, и воздушный корабль может любой момент превратиться в огромное огненное облако, спасения из которого не будет никому. И даже если наблюдатель в последний момент

успевал обнаружить опасное сближение, далеко не всегда капитану летучей громадины удавалось быстро вывести цеппелин из-под огня. Стремительный, узкий, как клинок, дестроер может мгновенно менять курсы, ломать направления лихими координатами, разворачиваться чуть ли не на пяточке, не обращая внимания на волнение.

Цеппелину же резкие маневры не просто недоступны – смертельно опасны. Свежий морской ветер и вовсе превращал их в некое подобие русской рулетки. Корпус воздушного корабля может сложиться, как перочинный нож – пополам. «Жёсткими» эти махины называют лишь условно: если сравнить колоссальный размер корпуса цеппелина и толщину дюралевых ферм, на которые натянута проклеенная матерчатая оболочка, то прочные металлические конструкции покажутся паутиной. Стоит неосторожно подставить воздушный корабль под сильный порыв ветра – и все, катастрофа неизбежна. Так что, пока эсминцы Гранд Флита, раскручивая до предела турбины, стремительно сокращают дистанцию, почувывший опасность цеппелин вынужден описывать широкую, плавную дугу, ложась на курс расхождения. И не раз случалось так, что посудины Его Величества не только успевали открыть огонь по цеппелину, но даже ухитрились пристреляться, выпуская по несколько десятков снарядов в близких накрытиях.

Пока фортуна явно подыгрывала экипажу L-32. Теоретически, малейшей искры достаточно для того, чтобы водород, вытекающий из пробитых емкостей, смешался с кислородом окружающего воздуха и... Гремучий газ, образующийся от такого соединения – это самая эффективная взрывчатка на свете. Так нередко и случалось: порой даже не осколков зенитного снаряда или очереди зажигательных пуль с атакующего «Сопвича», а самого что ни на есть банального разряда статического электричества хватало, чтобы превратить гордый воздушный корабль в груды закопченных обломков, обеспечив, заодно, и экипажу эффектное огненное погребение. Но вся штука в том, что смеси водорода с воздухом нужно достичь потребной для взрыва концентрации. Так что цеппелины раз за разом возвращались на свои базы с десятками, а то и сотнями пробоин в баллонах. Они продирались сквозь завесу зенитного огня над Лондоном, выдерживали атаки истребителей, «проглатывали» тысячи попаданий пуль и осколков. Да что там – не раз случалось, что зенитный снаряд взрывался внутри сигарообразного корпуса, не вызывая пожара, а корабль возвращался домой на остатках газа, вытекающего из драных оболочек. Везение, что и говорить...

До сих пор экипажу L-32 везло. Даже слишком везло. Но любому везению рано или поздно приходит конец.

Судно назвалось «Импресс». Бывший скоростной Ла-маншский паром, с началом Великой Войны, оно было переоборудовано в авиатранспорт, и несло четыре поплавковых гидроплана-разведчика «Шорт-184».

До сих пор «Импрессу» не выпадало на долю столь громких успехов, как другим его британским собратьям по классу. Самолетам с «Арк-Рояла» уже довелось успешно корректировать огонь кораблей союзников в Дарданельской операции, гидропланы с другого бывшего парома, «Бен-Май-Кри», первыми совершали торпедные атаки на турецкие корабли. Самым известными из всех был, конечно, «Энгадайн», благодаря одному-единственному успешному разведывательному вылету его «Шорта». Случилось это в самом начале Ютландского боя, и, хотя на кораблях союзников так и не приняли торопливую морзянку пилота-наблюдателя, сообщающую о положении и курсе германских линейных крейсеров, успех королевской морской авиации был оценен по достоинству и флотским командованием и пронырливыми газетчиками.

А вот на долю пилотов «Импресса» до сих пор выпадало лишь рутинное противолодочное патрулирование. Один-единственный раз удалось обнаружить всплывшую немецкую субмарину, но она растворилась в тумане раньше, чем пилот смог навести на цель корабли охра-

нения. Случались, правда, бомбежки германских кораблей, но особых результатов отмечено не было – за семь вылетов всего два попадания.

Теперь всё могло перемениться.

Адмирал Джеллико, взбешенный тем, что цеппелины Кайзерлихмарине раз за разом отслеживают перемещения кораблей флота Его Величества, потребовал преподать наглым воздухоплатателям внятней и жёсткий урок. Так что на этот раз, линейные махины, выполнявшие плановый переход с одной базы на другую, играли несвойственную им роль приманки. Глупым, жадным хищником должен был стать цеппелин германского военно-морского флота L-32, а «Импрессу» предстояло сыграть роль охотника, притаившегося в засаде.

Приманка готова, зверь пошел в западню, и терпеливые загонщики дали, наконец, сигнал прятавшемуся далеко за горизонтом стрелку.

Подчиняясь торопливому миганию ратьера, «Импресс» и два эсминца, следовавших в охранении, выполнили неоднократно уже отработанный маневр. Авиатранспорт развернулся лагом к волне, эсминцы в свою очередь, заняли позицию выше по ветру, прикрывая неповоротливую тушу бывшего парома от североморских шквалов. Заверещала лебедка, и грузовая стрела, подхватив с палубы хрупкую этажерку гидроплана, бережно опустила её в воду, с подветренной стороны. «Шорт» качнулся, осел на хвостовой поплавок, а запрыгнувший с подошедшего ялика матрос уже ловко отцеплял грузовые концы.

– Готово, сэр!

Лейтенант Уилбур Инглишби перепрыгнул на гидроплан. Забрался в кабину, привычно obeжал взглядом приборную доску – на что тут смотреть, три-четыре циферблата да водомерная трубка указателя топлива – и пристегнул ремни.

– Давай, Стэнни!

Механик, стоящий на поплавке, натужно крутанул пропеллер, и торопливо спрыгнул в шлюпку. Стадевяностапятисильный «Санбим», плюнув голубоватым, воняющим касторкой дымом, завелся, огласив просторы Северного моря несолидным мотоциклетным треском. Гидроплан развернулся и, подпрыгивая на коротких волнах, пошел на взлет.

На цеппелине не сразу заметили опасность. Можно смело сказать, что её и вовсе прозевали – никто не ожидал здесь, в открытом море, атаки аэропланов противника. Такого просто никогда ещё не случалось, и капитан корабля не беспокоился о воздушной угрозе, сосредоточив внимание на смертельно опасной игре с британскими дестроерами. У тяжёлых «Шпандау», стоящих на верхних площадках воздушного гиганта даже не было стрелков. Да и зачем, если ни один из сородичей L-32 не подвергался нападению истребителей в открытом море?

Впрочем, заходящий сейчас на цеппелин «Шорт-184» и не был истребителем. Неуклюжий, длиннокрылый трёхстоечный биплан, обезображенный нелепыми коробками поплавков, был построен как разведчик, и уже в ходе войны был переделан в торпедоносец корабельного базирования. А вот истребителем он отродясь не был. Стихия «Шортов» – морская разведка, корректировка артогня тяжёлых кораблей да первые, неуверенные торпедные атаки на вражеские суда. Но сейчас громоздкому, неуклюжему биплану предстояло выступить в иной роли.

Под длинными были подвешены четыре двадцатифунтовые «противодирижабельные» бомбы – это оружие уже не раз приносило успех сухопутным пилотам Королевского Воздушного Корпуса в борьбе с германскими цеппелинами. Нужно было всего лишь зайти вдоль корпуса воздушного корабля, желательно, с хвоста, и вовремя дёрнуть тросик бомбосбрасывателя.

Чему-чему, а бомбометанию по движущимся и маневрирующим судам пилоты гидропланов были обучены неплохо – сейчас в кабине «Шорта» сидел человек, которому уже удавалось попадать бомбами в идущие на предельных оборотах машин немецкие эсминцы, по сравнению с которыми корпус L-32 казался лёгкой целью. Единственной помехой могли стать стрелки

на верхних площадках цеппелина, но они, поднятые по тревоге, только карабкались по узким дюралевым лесенкам к своим боевым постам.

Описав пологую дугу «Шорт» четко, как на учениях, зашел на цеппелин с кормы. Это самый выгодный ракурс для атаки – самолет, догоняя идущий на сорока узлах воздушный корабль, будет дольше находиться над его сигарообразным корпусом, а значит, можно точнее прицелиться и сбросить бомбы. Машина L-32 росла, и лейтенант уже видел бегущих по длинному верхнему мостику пулеметчиков. Они спотыкались в своих тяжелых меховых сапогах, их нещадно подталкивал в спины набегающий узлов поток воздуха, вынуждая то и дело хвататься за ниточки лееров, отделяющих их от ледяной бездны – и всё равно они не успевали. Добежать до турели, снять кожух, передёрнуть затвор, тяжёлого пулемёта способного разнести лёгкий аэроплан в щепки одной единственной очередью, развернуть ствол навстречу цели – на всё это нужно хотя бы двадцать секунд. Но пилоту «Шорта» хватило и десяти.

По фермам цеппелина прокатилась волна вибрации – капитан, нарушая все правила, пустил моторы «враздрай», пытаясь хоть чуть-чуть увести ось корабля с линии атаки гидроплана. Маневр опаснейший – хрупкий корпус мог не выдержать резко изменившихся нагрузок и разрушиться. Цеппелин, сотрясаемый приступами дрожи, начал медленно, с достоинством разворачиваться, но «Шорт» уже пронесся вдоль летучей сигары, обдавая бегущих – поздно, поздно! – пулеметчиков волной мотоциклетного треска и вонью горелой касторки.

Как только этажерчатый хвост L-32 скрылся под капотом «Шорта» лейтенант резко рванул на себя обтянутую кожей петлю тросика бомбосбрасывателя. Две двадцатифунтовые бомбы сорвались с подвески. Одна пролетела мимо, зато другая ударила в корпус цеппелина где-то посередине – там, где и рассчитывал лихой пилот. Далее всё должно было произойти так, как не раз уже случалось с кайзеровскими цеппелинами: бомбе прошьёт лёгкую оболочку, вспорет остроконечным носом бок емкости с водородом и лопнет уже внутри, следуя за взрывателем, выставленным на пятисекундное замедление. Гидроплан пологим виражом ушел влево, и пилот выкрутил назад шею, обмотанную белым шёлковым шарфом – полюбоваться на вспухающий огненным пузырем бок воздушного корабля.

Но не тут-то было.

Корпус цеппелина – вообще-то их называют аппаратами жёсткого типа – подобно корпусу морского судна, состоит из множества ажурных колец-шпангоутов и продольных ниточек-стрингеров, поверх которых натянуто полотно оболочки. Жёсткость этой кружевной металлической конструкции придают многочисленные тросовые растяжки, а под оболочкой скрывается то, что сообщает воздушному кораблю подъёмную силу: огромные мешки из материала, называемого «бодрюш» – особым образом обработанных коровьих кишок. Наполнены эти мешки были лёгким газом – водородом.

И вот, по воле судьбы, выступившей в очередной раз в обличье простой статистической вероятности, бомба, сброшенная британским гидропланом, попала не в мягкое полотно, а в один из скрытых под тонкой тканью шпангоутов.

В иной ситуации это не имело бы значения: бомба, имевшая форму остроконечной винтовочной пули, должна была с лёгкостью смять тонкий металл, распороть оболочку и сделать-таки свое чёрное дело. Но сейчас сыграли свою роль те несколько градусов, на которые немецкий капитан успел повернуть воздушный корабль. В результате бомба ударила вскользь и срикошетила в сторону, разорвавшись на безопасном расстоянии.

Английский пилот не видел, как бомба мячиком отскочила от округлого бока дирижабля. Но понял главное – атака не удалась, придётся повторить заход. Он ещё круче накренил гидроплан, намереваясь лечь на параллельный курс и виражом зайти воздушному кораблю в корму. И тут ожили пулеметы – воздушные стрелки наконец-то заняли боевые посты.

Роли поменялись, и теперь в невыгодной позиции оказался уже гидроплан – боком к дирижаблю, на той же высоте, да ещё и до предела сбросив скорость. Мало того, что по нему

открыли огонь пулеметы, установленные на стрелковых площадках, на «хребтине» воздушного гиганта – «Шорт», заложивший широкий вираж по левому борту L-32, оказался теперь в пределах досягаемости пулеметов в обеих гондолах. По храбрецу-англичанину ударили сразу семь стволов. Пытаясь уйти от свинцового града, он прибавил газу и бросил аппарат влево, разворачиваясь носом на вражеский цеппелин – чтобы, поднырнув под брюхо, укрыться хотя бы от верхних огневых точек. И в этот момент три трассы скрестились на отчаянно маневрирующем аэроплане...

От длинных сдвоенных крыльев и корпуса тут же полетели клочья. Поразительно, но ни одна из десятков угодивших в аэроплан пуль не задела пилота. Он не успел среагировать – а впрочем, даже если бы и успел, это уже не могло ничего изменить. Длинная очередь перерезала стойки левой пары плоскостей, и те мгновенно сложились. Другая попала в капот, пробила насквозь мотор и вдребезги разнесла раму. Плюющийся огнём двигатель, вместе с бешено крутящимся пропеллером отлетел в сторону. Аппарат сразу же потерял управление, превратившись в беспорядочно кувыркающуюся в воздухе груда обломков. И эта груда на скорости семьдесят узлов врезалась в борт германского цеппелина, немного впереди кормовой мотогондолы. Единственное, что сумел сделать пилот – это за мгновение до удара изо всех сил упереться руками в приборную доску.

Впрочем, столкновение получилось не таким уж и жёстким. Монолитная с виду, стена легко поддалась удару. Обломки аэроплана смяли решётку шпангоутов и стрингеров, проделав в борту воздушного корабля огромную дыру, поперечником более пяти метров. Двигаясь по инерции, то, что осталось от несчастного «Шорта» в клочья разорвало несколько емкостей с водородом, разметало паутину тросовых растяжек и застряло в мешанине тросов и перекрученных алюминиевых конструкций.

Глава VI

Теллус. Пассажирский лайнер «Династия»

«Просьба к пассажирам оставаться в своих каютах. После устранения мелких неисправностей наш корабль продолжит рейс...»

Приятный женский голос повторял эту фразу снова и снова – наверное, в течение получаса, не меньше. Алекс даже перестал её замечать. Стандартная запись на восковом валике фонографа – такие сообщения постоянно включают на пассажирских судах «Западных линий». Правила компании строги: пассажиров следует вовремя оповещать о том, что творится на борту – во избежание проявлений паники.

«...после устранения мелких неисправностей наш корабль продолжит рейс. Если у вас есть вопросы или пожелания – можете обратиться к ближайшему члену экипажа лайнера, вам обязательно помогут».

«Мелких неисправностей», как же! Палубная команда «Династии» носится, как ошпаренная, наскоро исправляя полученные в бою повреждения – и молит Творца-Создателя, чтобы лайнер, наконец, дал ход, пока интри не нанесли повторный визит. Так что сейчас не до капризов пассажиров – придётся этим привередливым штатским немного понервничать в своих комфортабельных каютах.

Алекс вспомнил о соседе, магистре-технологе. Они не встречались с того самого момента, как гардемарин выскочил из каюты. Тоже, наверное, сидит и гадает что случилось... Да, господа, работать руками, когда корабль находится на краю гибели – это вам не шутки шутить, не языком болтать! Молодой человек хмыкнул, живо представив себе лошёного умника здесь, в паутине такелажа, перемазанного клеем, с проклятиями отдирающего полу щегольского сюртука от ткани газового мешка. Нестроение слегка поднялось – приятно чувствовать себя полезным, занятым большим, нужным делом!

Гардемарин трудился в поте лица. Китель остался внизу, на мостике, и теперь юноша, в компании двух матросов, в заляпанной клеем робе латал изрешеченные баллоны «Династии». Все трое, подобно трудолюбивым паучкам, ползали в паутине растяжек и ферм. Страшноватые такие паучки – пояса, увешанные инструментами, коричневые кожаные рыла со стеклянными, оправленными в медь, зенками. Жёсткие края газовых масок натирают кожу лица, стеклянные кругляши постоянно запотевают. Но без маски здесь не обойтись – содержимое баллонов потихоньку сочится из многочисленных дыр. Мета-газ не ядовит, но если надышаться им – возникнет раздражающий кашель, с которым придётся бороться несколько недель.

Один из напарников Алекса водил вдоль бока баллона бамбуковым шестом. За спиной у него, на кожаной сбруе – два латунных баллона, увенчанные стеклянным кругляшом манометра. Медный кольчатый шланг тянется к сетчатому раструбу течейскаателя на кончике шеста. Каждый раз, когда раздаётся треть звонка, Алекс и другой матрос начинают осматривать подозрительное место в поисках пробоины. Найдя, где струя «живой ртути» пропоролла ткань, гардемарин машет рукой, и Елена, свесившись с лесенки, протягивает напарникам смоченную клеем заплату. Её следует прижать к боку газового мешка и прокатать особым валиком на длинной ручке. Дело это непростое – оболочка легко продавливается под нажимом, заплаты ложатся криво, с морщинами. Такие следует отдирать, пока клей не схватился, и ставить новые. Испорченные заплаты летят вниз, в паутину такелажа, шлёпаются на колышущиеся бока газовых мешков или на изгиб оболочки, и намертво прилипают, прихваченные остатками клея.

Сначала Алекс старался аккуратно латать каждую пробоину, а потом махнул рукой. Сойдёт: даже кое-как прилипавшая заплатка всё же уменьшает протечку, а пробоин ещё десятки, если не сотни.

После атаки он, как и сказал, напарнице, направился, ни секунды не медля, к пассажирскому помощнику лайнера. Тот обрадовался – воздушный корабль получил серьёзные повреждения, и человек с опытом борьбы за живучесть, пусть даже и на учениях, был сейчас весьма кстати. Гардемарин сразу получил под начало двух матросов, охапку снаряжения и инструкцию – латать мета-газовые баллоны в носу лайнера.

Задание было из разряда «иди и застрянь там до скончания веков». Чтобы проверить и залатать огромные емкости, требовалось по меньшей мере вдесятеро больше рабочих рук. Но аварийные команды и так еле справлялись с последствиями воздушной атаки, так что Алекс вздохнул и взялся за дело.

Елена и тут не отстала от нового знакомого. В категорической форме она отказалась вернуться в каюту и потребовала для себя дела. Гардемарин не возражал – лишние руки сейчас были на вес золота. Протесты «дуэньи», вновь объявившейся после отбоя тревоги, во внимание приняты не были – почтенная дама недовольно поджала губы и принялась подбирать для своей воспитанницы гардероб, подходящий для нового занятия. Дело оказалось непростым – три предложенных робы Елена одну за другой забраковала, сочтя их недостаточно чистыми. О том, чтобы лазать по такелажу в юбке, нечего и думать, а Алекс совсем было собрался отправить капризную помощнику в каюту. Но та, осознав, к чему идёт дело, тяжко вздохнула, и взяла последнюю из предложенных роб.

И вот результат – девушка, нагруженная кипой заплат и спринцовкой с гуттаперчевым клеем, ползает по паутине растяжек, лесенок, трапов в узком промежутке между оболочкой корабля и колыхающимися стенками газовых мешков.

Пришлёпнув очередную заплатку, гардемарин утер со лба трудовой пот и покосился на помощницу. Та как раз тянулась вверх, передавая намазанный клеем кусок ткани тощему, рыжеволосому, веснушчатому матросу. Даже мешковатая роба не скрывала изумительной фигурки напарницы. Невысокая, стройная, ножка, наверное, безупречна... Гардемарин тряхнул головой – что за глупости! – и решительно полез дальше, на писк течеискателя.

По натянутым тросам и решётчатым фермам прокатилась волна мелкой дрожи – заработали ходовые перепонки. Шум, с правого борта усилился, превращаясь из неспешного гудения в надрывный визг. Далеко внизу, в магистралях обогрева, шипел пар – шкипер форсировал тягу до предела. Алекс мог поспорить, что перепонки другого борта сейчас замрут, а потом начнут «табанить», разворачивая неуклюжую махину.

Иллюминаторов в оболочке не предусмотрено, и в какую именно сторону разворачивается лайнер – оставалось загадкой. Пока тяги не было, «Династия» дрейфовала по ветру, в открытое море; аварийные команды торопились, прежде всего, вернуть кораблю способность двигаться. Гардемарин свесился с фермы, уцепившись за тонкий стальной трос:

– Эй, любезный, не знаешь, куда идём?

Матрос, возившийся на килевом мостике, футах в двадцати ниже, поднял голову:

– Боцман говорил, поворачиваем на восток, герр гардемарин! Стало быть, в океан!

– А почему не в Туманную Гавань? – встревожился молодой человек. – Она что, не принимает?

– Никак нет! – помотал головой нижний чин. Отвечал он с трудом, в зубах была зажата намазанная клеем заплатка. – Сказывают, порт вчистую разнесли, город тоже горит. Вот нас и направили на запасную площадку.

– Откуда в океане взяться запасной площадке, да ещё и для лайнера? – удивился Алекс. – Что ты такое говоришь, братец?!

– Да нам-то откуда знать, герр гардемарин! Боцман сказал, что причаливать будем вроде как, на острове. А на каком – это нам не докладывали.

И ловко пришлёпнул заплату на очередную прореху.

– Н-да, задачка! Коммерческий порт Туманной гавани, вероятно, разрушен, а такая машина, как «Династия», нуждается в сложном причальном оборудовании, куда попало её не приткнёшь. А где такое найти? Может, на судне обслуживания военных дирижаблей?

Алекс задумался. Помнится, магистр, соседя по каюте... говорил что направлен в службу наземного контроля Туманной Гавани. Может, он может что-то прояснить?

– Нет-нет, герр гардемарин, о судах обслуживания можете даже и не думать. Их предел – корветы да малые разведочные корабли, максимум – лёгкие флюгзайтраггеры. «Династия» – это не их размерчик.

– Выходит, только Плавучие острова? – пробормотал Алекс. Насчёт судов обслуживания воздушных кораблей с их кургузыми решётчатыми причальными мачтами, годных, разве что, для малых эскортных дирижаблей, он и сам всё понимал. Спросил для очистки совести.

– Ну, я не знаю, какие мачты они там собрали. Но, если собирались принимать и обслуживать там корабли первой линии – то и нам должно хватить.

Алекс обнаружил магистра Пауля Фламберга в их общей каюте. Выпускник «технологички» сидел на бархатном диванчике, закинув ногу на ногу, и листал свежий выпуск столичной газеты. Будто не визжали за бортом ходовые перепонки насекомых и «ос», а струи «живой ртути» не выкашивали расчёты митральез.

Странный они народ – магистры...

– Я вижу, вы принимаете участие в ремонте? – магистр легко перевёл разговор на собеседника. – Ничего серьёзного, я полагаю? Алекс принялся объяснять про повреждения, полученные «Династией», потом перескочил на описание воздушного боя – и снова вернулся к рабочей бригаде, которую оставил без присмотра. Магистр терпеливо слушал.

– ...так на одном из баллонов обнаружили и законопатили аж сто восемнадцать прострелов! – сообщил гардемарин. – Три раза останавливались, налаживали течеискатели – мета-газ повсюду, они уже ни на что не реагируют.

– Да, не самое надёжное оборудование. – согласился с ним Фламберг. – Мы на учебной практике пользовались ТриЭс-гогглами. Да вот, у меня с собой мой персональный экземпляр. Не желаете полюбопытствовать?

И вытащил из саквояжа массивные очки с наглазниками из полированной бронзы плотной кожи, тёмными, отливающими цветами побежалости, стёклами и небольшим бронзовым цилиндром на затылочном ремне. От цилиндрика к окантовке стёкол – тоже массивной, толщиной в пол-пальца – вели тонкие латунные трубочки.

– Спецзаказ! – похвастал магистр. – Ёмкости модифицированный мета-газ, смешанный с пылью инрийского серебра. Когда его закачиваешь между двойных стёкол в окулярах – любая протечка видна как ярко-синий фонтан. А рассеянного в воздухе газа просто не замечаешь, разве что, как лёгкую дымку. Да вы попробуйте, наденьте...

Алекс послушно натянул гогглы. Ничего особенного, разве что, стёкла слегка затемнены.

– Секундочку.

Магистр пошарил у Алекса на затылке – он невольно вздрогнул, когда пальцы собеседника задела его кожу. Что-то щёлкнуло и едва слышно зашипело.

– В каюте мета-газа нет. Выгляните в иллюминатор, снаружи должны быть видны протечки из прострелов в корпусе.

Магистр оказался прав. Когда гардемарин открутил барашки винтов, удерживающих крышку иллюминатора, и по пояс высунулся наружу, то сразу же увидел ярко-синие полосы на фоне обшивки корабля. Полос было много, разных – где-то они были едва заметные, тающие,

а где-то густые, тянущиеся на сотни футов за кормой корабля. Видимо, в этих местах «живая ртуть» легла особенно густо.

– А вы не одолжите мне на некоторое время это приспособление? – крикнул он, перекивая шмелиное гудение ходовых перепонок. – Обещаю, оно будет в сохранности, а если что – я компенсирую любой ущерб!

Фламберг отодвинул гардемарина от иллюминатора и закрутил барашки. Сразу стало тише.

– Да будет вам известно, молодой человек. – наставительно произнёс магистр, – такие гогглы способны обнаруживать не только мета-газ, но и вообще любые проявления ТриЭс. Изготавливаются они около полугода и стоят... нет, вы всё равно не поверите. Сделаем иначе: я присоединюсь к вашей бригаде. Буду указывать места повреждений, а вы станете их латать. Поверьте, так мы сэкономим массу времени.

– А как же вы. – начал Алекс, но собеседник его прервал.

– Спасибо, конечно, что вы беспокоитесь о моём гардеробе. Но, во-первых, у местного каптенармуса наверняка найдётся в заначке десяток-другой рабочих комбинезонов, вроде тех, которыми он оделил вас. А во-вторых, да будет вам известно, юноша: магистры, вопреки тому, что болтают обыватели, отнюдь не боятся при нужде запачкать рук. Моё рабочее платье в багаже, и если вы дадите мне несколько минут, чтобы переодеться, я смогу вас сопровождать. А вы пока – примите-ка лучше душ. Уверен, вы пропотели насквозь, пока ползали по растяжкам с этими вашими течеискателями.

– Забирайте своего приятеля, герр гардемарин. – сказал доктор. – Пусть пьёт красное вино и ест гранаты и жареное мясо, желательно – побольше. Недурно так же крабовой икры, но непременно из устья Блау – в нашем буфете, кажется, есть несколько банок. Ему надо восстановить силы.

В медицинской каюте «Династии» всё сверкало хромированным металлом и ослепительной, снежной белизной. Алекс подумал, что люди выглядят здесь излишними, неопрятными пятнами которые так и хочется стереть мягкой губкой, пропитанной раствором, налитым в одну из многочисленных баночек, расставленных в стеклянном шкафу.

– Что с ним всё-таки было? – хмуро спросил он. И удивился про себя, что больной не проявляет к этому ни малейшего интереса. Вон он – сидит на койки и застёгивает пуговицы некогда щегольского, а теперь заляпанного клеем рабочего комбинезона.

Врач поджал плечами.

– Я ведь уже говорил: внезапная потеря сил. Для вас, или скажем меня, это был бы тревожный симптом, но у практикующих ТриЭс случается и не такое. Эта гадость выжимает человека, как губку!

– Мы можем, наконец, идти? – неприятно осведомился Фламберг. Комбинезон он застегнул, и теперь стоял, независимо сложив руки на груди. А тон – тон был таков, что гардемарину сделалось неловко. В конце концов, врач сделал всё, чтобы помочь внезапно свалившемуся на него пациенту...

– Вы простите моего спутника. – начал, было Алекс, но доктор только отмахнулся.

– Идите уже, молодые люди, идите, у меня и без вас полно работы. Что касается манер. – он покосился на магистра, – поверьте, я давно к этому привык. ТриЭс меняет людей и увы, не в лучшую сторону.

Магистр открыл рот, видимо, собираясь ответить колкостью – но Алекс не дал этого дожидаться – схватил Фламберга за плечи и без церемоний вытолкнул из каюты.

Магистр оказался прав: дело ускорило по меньшей мере, вдвое. Фламберг, висая в паутине растяжек над головами Алекса и его бригады, обзревал «фронт работ» через свои гогглы и подавал точные, продуманные команды, указывая размер заплат и даже – с какой стороны

лучше подбираться к прорехе. Дело спорилось; за полтора часа они обработали необъятный бок баллона и уже собирались перемещаться на другую сторону, когда произошло нечто странное. Только что Фламберг висел футах в десяти над головами Алекса и Елены, заклеивающих особенно крупную прореху, и вот – он уже повис на страховочном шнуре и содрогается в конвульсиях. Из перекошенного рта, словно у эпилептика лезет пена; скрюченные пальцы шарят по воздуху, вцепляются в тросы растяжек. Ноги сгибаются и разгибаются, лягая пустое пространство, заставляя тело толчками вращаться на подвесе.

Выглядело это довольно дико – по правде говоря, Алекс перепугался до коллик. Но медлить он не стал – отцепил страховочный трос-лонжу и по растяжкам добрался до сотрясаемого конвульсиями тела. Отцепил от пояса моток репшнура, привязал к страховочному карабину на обвязке магистра и, крикнув «принимайте» – стал медленно вытравливать трос. Словно нарочно, тело Фламберга перестало сотрясаться и обвисло, словно гуттаперчевое – так оно и висело, медленно вращаясь, пока не достигла проходящего футах в тридцати ниже служебного мостика.

Элен уже ждала там. Алекс с одним из матросов подхватили магистра – он обвис на руках «спасителей» безвольной куклой – и чуть ли не бегом потащили в медицинскую каюту, оказавшуюся, по счастью, неподалёку. Елена бежала следом, громко охая и давая советы. К счастью, бежать пришлось недалеко: уже через несколько минут Алекс сдал магистра на попечение судовому врачу. Который, как выяснилось, отчего-то не любит ТриЭс и её адептов.

– Ну что, довольны? – сварливо осведомился Фламберг. Он расстегнул нагрудный клапан и шарил там своими тонкими, до полупрозрачности, пальцами. – Устроили, понимаешь, цирк шапито...

Этого Алекс снести не мог. Сначала магистр был невежлив с врачом, а теперь вот и ему самому досталось! Где, скажите на милость, элементарная благодарность?...

– А что нам было с вами делать? – огрызнулся он. – Водить вокруг вас хоровод? Спеть гимн? Отхлестать по щекам? Или сделать вид, что ничего особенного не происходит, и продолжать заниматься своими делами?

– Отхлестать по щекам – пожалуй, подошло бы... – примирительно буркнул Фламберг. Лицо его, по-прежнему неестественно бледное, всё было в крупных каплях пота. – А вообще – чему вас учат в этом вашем Корпусе, а? Насколько я помню, такие симптомы описаны в любом наставлении по военно-полевой медицине.

Он извлёк из кармана тонкую стеклянную трубочку, откупорил и выкатил на ладонь три иссиня-чёрных шарика.

– И там же сказано – опять же, если мне не изменяет память – что у каждого, специалиста, работающего с ТриЭс, непременно есть при себе такие пилюли. Или вы, юноша, скажете, что болели, когда это проходили в вашем классе – или что у вас там?

Алекс стоял, как оплётанный. Чёртов магистр прав: именно такие симптомы – судороги, корчи, пена изо рта – описаны в наставлениях по оказанию первой помощи. И про пилюли тоже есть – помнится, их ещё называют «магистерскими».

– А откуда здесь взялось воздействие ТриЭс, да ещё и такой силы? – недоумённо спросил он.

– Зрите в корень, гард.

Фламберг забросил шарики в рот.

– Я долго был без сознания?

– Меньше часа... минут сорок. – наперебой ответили Алекс и Елена.

– Плохо, чёрт. – магистр скривился, словно от зубной боли. – Вот что, молодые люди: мне срочно надо попасть в каюту. В моём багаже есть кое-какая аппаратура – надеюсь, она

поможет прояснить дело. И, умоляю, воздержитесь от вопросов, я сам ещё ничего толком не понял. Вот доберусь до каюты, и тогда.

– Кстати, об аппаратуре – хорошо, что напомнили, мессир.

Елена, выдержав несколько театральную паузу, извлекла из вместительного кармана комбинезона гогглы.

– Вы потеряли их, когда сорвались с растяжек. Я нашла, припрятала – решила, что вам будет обидно остаться без этой безделушки.

Магистр жадно схватил своё имущество.

– Спасибо огромное, фройляйн, а я уж решил что всё, сгинули. Простите, не могу припомнить, как вас зовут, чёртова слабость.

И буркнул, покосившись на Алекса:

– Похоже, не все на этом судне безнадёжны.

Глава VII

Теллус. В небе над Загорьем

Не бывает двух одинаковых «облачников» – ни малых патрульных «фиалов», ни грандиозных «гнездовий», способных нести десятки инсектов и сотни инри-десантников. Копирование собственных творений стало бы оскорблением талантов строителя – хотя каждый из них, разумеется, придерживался своего, уникального стиля, вполне узнаваемого специалистами. И, прежде всего, это относится к манере расположения служебных помещений воздушного корабля – полётных палуб, фарм-деков, жилых и складских помещений.

Чаще всего полётные палубы размещают сверху, хотя встречаются и образчики, у которых они размещены по бокам воздушного корабля, а то и внизу – подобно тому, как размещают их люди на своих примитивных, смердящих угольной гарью, дирижаблях. Любое решение имеет свои плюсы и минусы, и обсуждать их – занятие долгое и безнадёжное. Местоположения ходовой рубки и гнёзд с оборонительным вооружением (обычно в этой роли выступают мощные стационарные метатели «живой ртuti») определены самими их назначением. А вот в отношении прочих служебных и вспомогательных помещений вольностей допускается куда больше.

Как только не изощряются строители воздушных кораблей! Кто-то размещает фарм-палубы и жилые помещения в глубине скоплений мета-газовых гроздьев, соединяя их длинными переходами из квазиживой прозрачной плёнки. Передвигаясь по ним, легко запутаться где верх, а где низ, ведь со всех сторон вас окружают гигантские бледнозелёные шары, подсвеченные изнутри лиловыми сполохами.

Кто-то предпочитает «блочные» конструкции – когда служебные палубы объединяются и либо прячутся внутрь массива «облачника», либо остаются висеть у него под брюхом, подобно гондолам имперских воздушных кораблей. А иногда они расплзаются по всему внешнему контуру, подобно большим обтекаемым наростам – и тогда их связывают между собой лёгкие ажурные мостики, прикрытые практически невидимой ветрозащитными мембранами. Такие мостики-переходы опоясывают «облачник» в разных направлениях, и членам команды порой приходится отшагать немалые расстояния, чтобы попасть из командной рубки на жилую палубу или, скажем, отсек фарм-дека, где выращиваются огнестудень и «живая ртуть» для пополнения боекомплекта. Вопросы удобства и целесообразности в расчёт здесь, как правило, не берутся – на первое место выходят соображения инрийской эстетики, по которым, в первую очередь, и оцениваются летающие громадины.

Не бывает двух одинаковых «облачников».

«Высокий замок» относился как раз к последней категории, а потому добираться от фарм-дека до полётной палубы пришлось довольно долго. Что не жаловалась – такие прогулки давали девушке возможность видеть вместо опостылевших мета-газовых пузырей раскинувшийся вокруг простор. Внизу – бескрайнее зелёное море дождевых лесов, простирающееся далеко на восток. К западу, в считанных милях, торчат острые рёбра Опалового Хребта, а за ним, до самого горизонта глубокое небо – такое синее, что сразу понятно, что там, вдали, оно сливается с бескрайним океаном.

Именно туда спустя каких-нибудь полчаса и отправится рой-лидер К'Йорр со своим смертоносным выводком. А вместе с ним – и Чо. Правда, пока об этом знает только она одна. И хорошо, и правильно – никто и не должен об этом узнать. Во всяком случае, до того момента, когда её бомбо-кокон не покинет строй и не уйдёт в сторону.

К свободе.

Конечно, рои будут сопровождать «стрекозы». Но, во-первых, их будет не так много (две ударные волны и отчаянные схватки с атакующими Армаду флапперами дорого дались инрийским наездникам) а во-вторых – ну кому придёт в голову гоняться за одиночным коконом? Такое, хоть и редко, но случалось: «обрубок» терялся, оказавшись в настоящем, а не созданном грёзами контактного слизня, небе – и его несло неизвестно куда, пока хватало сил ходовых перепонок. Обычно беглеца не достаивали даже прощальным взглядом – не он первый, не он последний. Будет на один бомбо-кокон меньше в атакующей волне – подумаешь, велика потеря!

Сложнее было с самим коконом. Они не годятся для обычных людей – и места внутри слишком мало даже для крошечной Чо, а управляющие контактные слизи совместимы лишь с вывернутым наизнанку, обкромсанным, подобно их телам, мышлением «обрубков». Однако, кроме стандартных бомбо-коконов встречались и тренировочные, пилотировать которые могли и пилоты-инри. Внешне они ничем не отличались от «ударных», но не несли заряда и использовались исключительно для отработки тактики. Рой-лидер сам занимал место в тесной, пульсирующей, словно женское влагалище, «кабине» и повторял действия, которые в боевой обстановке предстояло выполнить обрубкам. После чего – выбрасывался на спасательном парусе, поскольку ни к возвращению на «гнездовье», ни, тем к посадке на землю, такие коконы не приспособлены. Чо видела, как К'Йорр несколько раз проделывал подобное – и именно тогда у неё впервые мелькнула мысль о побеге.

Труднее всего оказалось раздобыть тренировочный кокон. Для этого пришлось несколько ночей подряд ублажать конопатого, похотливого раба-англосакса, заведующего складами. А потом ещё его коллегу и соотечественника, но уже на полётной палубе – только он мог задвинуть отобранный Чо кокон куда-нибудь в дальний угол и проследить, чтобы никто его не трогал. А в нужный момент – отвернуться, когда девушка по команде К'Йорра будет готовить бомбо-коконы роя к вылету. Хорошо, что К'Йорр слишком высокомерен и ленив, чтобы пачкать руки подобной работой – вынимать «обрубки» из сосудов и пересаживать их в «коконы» доверено Чо и палубным рабам-помощникам. Но этих можно не опасаться – палубный раб скорее откусит себе язык, чем первым заговорит с инри. Слишком дорого приходится платить за подобную дерзость. Что до того, чьё место Чо предстояло занять, то это решилось легко: улучив момент, когда К'Йорр смотрел в другую сторону, девушка засунула «обрубок» в воронку-утилизатор, помедлив мгновение лишь для того, чтобы перерезать несчастному созданию горло. Не заслужило оно медленной, мучительной смерти в пищеварительных чанах, куда попадали органические отходы – а порой и проштрафившиеся рабы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.